

Ирина Лобусова

Привоза

королевы
Одесса

РОМАН

«КОРОЛЕВЫ ПРИВОЗА»

ЧЕТВЕРТЫЙ В СЕРИИ
«РЕТРОРОМАН»,

ПОСВЯЩЕННЫЙ
ЖИЗНИ ОДЕССЫ

...

ВАЖНО

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА, ПРИ ВСЕХ ВЛАСТЯХ ТОРГОВКИ ОДЕССКОГО ПРИВОЗА ЧУВСТВОВАЛИ СЕБЯ ДОСТАТОЧНО УВЕРЕННО. НО С ПРИХОДОМ БОЛЬШЕВИКОВ ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ: ВОЕННЫЙ КОМЕН-
ДАНТ РЫНКА ПРИКАЗЫВАЕТ ПЛАТИТЬ ДАНЬ С КАЖДОЙ ЛАВКИ, С КАЖДОГО ТОРГОВОГО МЕСТА,
И ДАНЬ ЭТА НЕПОМЕРНО БОЛЬШАЯ. НА ПРИВОЗЕ ПАНИКА, ДЕНЕГ У БОЛЬШИНСТВА НЕТ. А ТУТ ЕЩЕ
И РАСЧЛЕНЕННЫЙ ТРУП НАХОДЯТ, ПОТОМ ДРУГОЙ... И ЧТО НЕПОНЯТНО И УЖАСНО — РЯДОМ
С ЧАСТЯМИ ТЕЛА ОБНАРУЖИВАЮТ МЛАДЕНЦЕВ ОТ СИЛЫ НЕСКОЛЬКИХ ЧАСОВ ОТ РОДУ...

FOLIO

Ретророман

Ирина Лобусова
Королевы Привоза

«Фолио»

2017

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Королевы Привоза / И. И. Лобусова — «Фолио»,
2017 — (Ретророман)

ISBN 978-966-03-7944-2

Во все времена, при всех властях торговли одесского Привоза чувствовали себя достаточно уверенно. Но с приходом большевиков все изменилось: военный комендант рынка приказывает платить дань с каждой лавки, с каждого торгового места, и дань эта непомерно большая. На Привозе паника, денег у большинства нет. А тут еще и расчлененный труп находят, потом другой... И что непонятно и ужасно – рядом с частями тела обнаруживают младенцев от силы нескольких часов от роду...

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-7944-2

© Лобусова И. И., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Лобусова

Королевы Привоза

© И. И. Лобусова, 2017,

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

* * *

Глава 1

*Парочка на берегу моря. Богатая жертва Маньки Льяной. Расправа с сообщником.
Обыск – кукла Машутки. Казнь Маньки
ОДЕССА, 1876 год*

Небо к вечеру почти полностью закрыли тучи, однако луну все же было видно – ее затушевала какая-то сероватая темная пленка, сквозь которую пробивались красные отблески. То, что луна была окрашена в красный цвет, отмечали в первую очередь рыбаки, готовые снасти к ночной ловле. Красноватые отблески тонули в спокойной воде. Это действительно было как-то странно: живущие на море знали, что в начале осени почти не бывает серьезных штормов, так что этот красный свет оставлял какое-то тревожное ощущение от лунной дорожки. Когда же облака затягивали луну полностью, лунная дорожка тоже исчезала, и только красноватая дымка, похожая на разноцветную пыльцу, утопала в спокойных волнах.

Берег моря был пуст. Редкие парочки, в поздний час рискнувшие здесь прогуляться, переместились ближе к городу, где было не так пустынно и темно. Тем более, что за следующим поворотом пляжа, ведущим к Карантинной гавани, находилась целая полоса прибрежных ресторанов и кабачков. Открытые до рассвета, эти заведения привлекали клиентов вывешенными у входа яркими лампами. И развлекались там не только моряки, но и любители экзотики, которые в виде ночных прогулок вдоль моря в любой час ночи рисковали там отдохнуть.

Море было безмолвным. Казалось, полный штиль накрыл темные воды плотным, не пропускающим звуки покрывалом, под которым тревожно, застыв в ожидании, до поры до времени таится неизведанная, великая мощь. У темной морской воды ночью было страшно. Бесприютные глубины мрака вырастали в темноте, тающей за горизонтом. Особенно сейчас, когда луну на небе затянули плотные облака.

Но все это совершенно не испугало парочку, вдруг появившуюся в самом пустынном месте пляжа из темноты. Даже в такой мгле выделялись белокурые, светлые волосы женщины и

белая шаль, брошенная на ее плечи. Смеясь и пританцовывая, она тянула за собой спутника. Ее длинные волосы развевались по ветру, а шаль, соскальзывая с обнаженных плеч, открывала белоснежную матовость кожи и соблазнительную полную грудь, с трудом помещавшуюся в глубоком декольте вечернего платья.

Сейчас, ночью, на берегу моря, женщина казалась русалкой, только что восставшей из пенной морской воды. Сходство было еще и в том, что, совершенно не боясь темнеющей бездны, она решительно тащила за собой спутника.

Спутник же ее, солидный господин средних лет внушительной комплекции, в сюртуке из дорогого сукна, с золотым пенсне, с трудом поспевал за своей наядой.

– Манечка, погоди... Передохнем немного, – в голосе солидного господина послышалась мольба, хотя он изо всех сил пытался ее скрыть.

– Нет, мой дорогой, чего ждать? Вот уже совсем скоро... На этих волнах... Я хочу слиться с тобой в вечности... – Приспустив в очередной раз шаль с плеча, белокурая красавица маняще повела грудью и бедром, извиваясь при этом всем телом.

Внезапно тусклый красноватый свет луны пробился из-под облаков и отчетливо осветил лицо женщины. Ах как она была хороша! В самом расцвете молодости (не старше 20 лет), она была такой запоминающейся, прекрасной, что казалось – тонкие черты лица ее изваяны самым талантливым в мире скульптором, и такую красоту не способна произвести на свет обыкновенная живая женщина. Ее темно-голубые глаза поражали томностью, а в изгибе полных губ таилось нечто настолько чувственное, что ни один мужчина не мог не понять этого сигнала первобытной страстности, древней, как сам мир. Длинные белокурые волосы придавали ей вид невинности и еще больше подчеркивали ее молодость. Она была прекрасна – как картина, созданная художником, но в то же время в этой красоте чувствовалась, пульсировала настоящая жизнь, а под кожей угадывался фонтан страстной, жаркой, южной крови, так сумасшедше действующий на мужчин, не живущих на южных морских берегах.

Правда, общее впечатление немного портило дешевое вульгарное платье, сразу показывающее, что обладательница его не относится ни к высшим, ни даже к состоятельным слоям общества. Но какой мужчина стал бы смотреть на платье при виде такой чувственной красоты? Платье было просто помехой, и солидный господин не видел его, не отрывая глаз от обнаженной кожи плеч и от глубокого декольте.

– Мы почти пришли, – красавица решительно потянула его за собой, а затем вдруг запела, отчаянно фальшивя: – Это мой каприз, всего лишь маленький каприз, любовь моя...

Солидным господином был купец из Пскова Петр Евдохин, приехавший в Одессу по коммерческой надобности. Это был первый его визит сюда, и бурлящий город в буквальном смысле слова свел его с ума. Позабыв про дела (кстати сказать, с успехом состоявшиеся на Одесской бирже: он заключил такие выгодные сделки, что результат превзошел все его ожидания), купец пустился во все тяжкие, открыв для себя соблазнительный мир одесских ресторанов, кафе-штанганов и публичных домов.

Позабыв про солидный статус семейного человека и отца шестерых детей, Евдохин принялся сорить деньгами в компании одесских кокоток, благо денег он заработал столько, что хватило бы и на Одессу, и на Псков.

Но, несмотря на такую развязность, купец все-таки свел в Одессе серьезные знакомства среди солидных людей. Он посещал приемы, светские балы и жертвовал деньги на благотворительность в компании официальных отцов города, которые всячески привечали любого богача, приехавшего в Одессу заниматься коммерцией, а значит, оставлять в городе свой капитал.

И вот однажды, находясь в модном ресторане в Сретенском переулке, купец был поражен в самое сердце молоденькой красоткой с длинными белокурыми волосами, которой одновременно удавалось выглядеть похожей и на распутную кокотку, и на непорочную гимназистку.

Евдохин потерял голову. Девушка сказала, что ее зовут Марусей, и не отставала от купца ни на шаг, показывая ножки и немилосердно строя ему глазки.

Стремясь произвести впечатление на юную диву, купец повез ее на авто в самый дорогой ресторан на Дерибасовской. Каких только деликатесов не потребовала подгулявшая парочка! Самое дорогое шампанское лилось рекой. Каждый раз, когда из бутылки выстреливала пробка, девушка хлопала в ладоши и заливалась счастливым смехом.

Одесская красавица сказала приезжему купцу правду – но не всю. Ее действительно звали Марусей – Марией Лежнич, но в Одессе она была известна под кличкой Манька Лыняная: так ее прозвали за цвет и мягкость волос. Она была отчаянной девицей с богатым криминальным прошлым, которое никак не отражалось на ее миловидном личике.

Когда купец расплачивался в ресторане, он вытащил толстую пачку денег. У Маньки округлились глаза. И вместо того, чтобы повести Евдохина к себе или же пойти в гостиницу к нему, она потащила его к морю – кататься на лодке. Купец был совсем не против, как раз наоборот: это показалось ему невероятно романтичным, и он беспрекословно последовал за своей дамой, которая отлично ориентировалась во мраке одесских пляжей.

Они остановились у самой кромки воды в сплошной темноте.

– Где же лодочник, душа моя? – удивился Евдохин, – ничего ведь не видно!

– А вот погоди! – Засунув два пальца в рот, Манька залихватски свистнула и пояснила: – Здесь часто за лодки катаются.

В тот же самый момент справа с зажженной керосиновой лампой к ним подошел молодой коренастый парень.

– Это Ванька Дюжий, лучший лодочник в городе, он нас покатает, – улыбнулась Манька. – Да ты не бойсь, вперед иди. Я за тобой.

Подчиняясь своей красавице, Евдохин решительно шагнул в темноту. Манька же, приотстав, бросила лодочнику какую-то, с точки зрения купца, невероятно странную и бессмысленную фразу:

– Гусь под завязку, шмарать за дно.

Но ответного кивка лодочника купец не увидел, так как уперся прямо в борт лодки, привязанной к деревянному колышку.

Манька первой легко прыгнула в нее. Евдохин и лодочник последовали за ней, и очень скоро стал отчетливо слышен тихий плеск весел по спокойной воде – лодка все дальше и дальше удалялась от берега. Лодочник зачем-то потушил лампу, и все трое снова оказались в сплошной темноте. Купцу это сразу не понравилось. Он заерзал на своем месте.

– Не далеко ли плывем, душа моя? Может, вернемся, пойдем в гостиницу?

В этот момент из-за туч показалась луна. В руке Ваньки что-то блеснуло. Купец не успел ничего понять. Быстро, отточенным жестом лодочник ударил его ножом в горло, и тот, хрипя в предсмертной агонии, повалился вниз, на дно лодки.

– Нож, адиёт... – поморщилась Манька, – много крови...

– Не бойсь, к утру отмою, – лаконично сказал Ванька и стал помогать ей шарить в карманах сюртука и штанов.

– Во гусь! Таки да, под завязку, – присвистнул он, раскладывая на скамейке толстые пачки денег, – такого за нас еще не было! Сколько же ты мне-то отвалишь? – взглянул он на Маньку.

– Не бойся, отвалою, – сухо ответила она, – отправь его на корм рыбам.

Лодочник достал из-под скамейки камень, обвязанный веревкой с одного конца, другой же привязал к ногам покойника. Затем столкнул труп за борт лодки, и от купца из Пскова Петра Евдохина очень скоро осталось лишь несколько кругов на темной воде, которые, к тому же, исчезли слишком быстро.

Ванька уверенно греб к берегу, не обращая никакого внимания на Маньку, которая, сидя на скамейке и обхватив руками колени, зло сверлила глазами его спину. Когда причалили, она, обогнув его, выпрыгнула первой.

– Лодку-то привяжи и мыть начинай, – скомандовала, – рассвет скоро.

Наклонившись над столбиком, лодочник принялся привязывать лодку веревкой. В этот самый момент Манька из-за отворота платья выхватила длинную шпильку и с силой вонзила ее в основание его шеи. Захлебнувшись кровью, Ванька упал лицом вниз. Манька быстро ударила его в горло еще два раза и перекинула труп в лодку. Кровь лодочника перемешалась с уже находившейся там кровью, образовав лужу, и было непонятно, где чья. Затем Манька собрала все деньги, снова воткнула шпильку в платье, предварительно вытерев ее о песок, и быстро пошла прочь. Она отлично ориентировалась в темноте и хорошо знала дорогу.

Ее задержали в притоне в Книжном переулке возле Привоза, где, упившись шампанским, она танцевала на столе канкан. Никто из посетителей притона так и не понял, как это произошло. Узкое, тесное помещение вдруг заполнили жандармы, они подхватили под руки Маньку, и так, под руки, стащили со стола. Она даже не успела одернуть юбки своего нового платья, обшитого настоящими французскими кружевами. Все произошло так быстро, что, ставя на место перевернутые жандармами стулья и столики, девицы заведения во главе с толстой хозяйкой и ее хахалем-вышибалой еще долго недоуменно переглядывались, пытаясь понять, что, собственно, случилось. И для чего потребовалось такое количество жандармов, чтобы задержать одну Маньку, которая и раньше была известна в городе своими разгульными делами.

Но уже на следующий день стало известно, что тревогу о пропавшем купце Петре Евдохине поднял лично городской голова, ожидавший того на важном благотворительном вечере. Когда же стало известно, что купец не явился в гостиницу ночевать, были подняты по тревоге все жандармы.

Следы его исчезновения нашлись сразу: многие видели Евдохина в ресторане на Дерибасовской в компании всем известной Маньки, которая не раз уже попадала в полицию – впрочем, за дела более мелкие, чем исчезновение заезжего богача. «Бедная Манька, но ничего, выпутается», – пожимали плечами товарки, любившие свою развеселую подругу, сорившую деньгами направо и налево после очередного удачного дела.

Толстый околоточный надзиратель местного участка с трудом, пыхтя, поднимался по лестнице дешевых меблированных комнат в районе Привоза в компании нескольких жандармов, судебного следователя, полицейского следователя по особо важным делам и подобранных по дороге понятых. Следом за ними, в опасливом отдалении, плелась Паучиха – злобная, высохшая, как мумия, остроглазая старушонка, хозяйка меблированных комнат, являвшихся на самом деле дешевой ночлежкой для заезжего люда и местных блатарей. Было даже странно, что Манька Лыняная, загребающая неплохие деньги, жила в таком месте.

Но полицейский, знавший ее привычки, уже объяснил судейскому, что, во-первых, Манька была страшной транжирой, не умела копить деньги и жила по принципу: заработала – спустила на ветер. А во-вторых, она содержала любовников-котов, на которых тратила все свои сбережения. Последним ее котом был здоровенный воротила с бывшего Старого рынка, а ныне Привоза, Михайло Токарчук – вышибала, задира, драчун, промышляющий налетами, но вылетевший из нескольких местных банд за дурной характер.

Сейчас он находился в Тюремном замке на Люстдорфской дороге, в камере-одиночке, где ждал суда по делу о разбойном нападении. С двумя подельниками Токарчук напал на почтовую карету, перевозящую почтовые деньги, и при этом проломил голову почтальону, от чего тот скончался на месте. Дело было доказано, и убийцу ждал суровый приговор. Очевидно, Манька

и грабанула купца для того, чтобы достать денег либо на взятку за смягчение приговора, либо для устройства побега.

Поднимались по лестнице долго, так как халупа Маньки находилась на последнем, четвертом этаже. Перепуганные страшной процессией, растревоженные обитатели ночлежки прятались за своими дверями, как тараканы, не смея высунуть носа наружу.

В комнате у Маньки был страшный беспорядок. Ветер шевелил грязные занавески на распахнутом настежь окне, загоняя в комнату холод. Постель была не прибрана, на столе валялись объедки и возвышалась гора грязной посуды. На полу валялись пустые бутылки из-под водки и шампанского.

Жандармы разошлись по углам комнаты. Вдруг громкий шорох и какой-то странный всхлип заставил их замереть на месте. Один из служивых, вытащив револьвер, распахнул дверцы шкафа. Там не было ничего, кроме груды Манькиных платьев. Другой, так же с оружием в руках, осторожно приблизился к койке, на которой под ворохом грязных одеял что-то шевелилось. И тут всхлип повторился более отчетливо.

Жандарм, наклонившись, сбросил груды одеял вниз. В самом углу кровати, прижавшись к стенке (вернее, вжавшись в нее всем своим маленьким тельцем), сидел ребенок в рваной рубашонке из грубого сукна. Он сосал палец и громко икал. На подбородок стекала струйка густой слюны. Глаза его были расширены и почти неподвижно уставились на вошедших с каким-то диким, первобытным ужасом.

Ребенок был совсем маленьким, не старше года. Очевидно, за ним никто не ухаживал – рубашонка была страшно грязная, а от кровати шел тяжелый, тошнотворный запах.

– Это еще что такое, мать твою... – выругался жандарм, опуская револьвер.

Вытащив палец изо рта, ребенок залился истерическим плачем. Поджав тонкие губы, Паучиха выступила вперед, подхватила его на руки и закутала в обрывок какого-то вонючего одеяла.

– Машутка это, ваше благородие, дочка Маньки Льяной, – она произнесла это заискивающе, но глаза ее так и сверкали злобой, – год ей сравнялся только.

– Что здесь делает ребенок один? Кто его кормит, как вообще он не умер с голоду? – рассердился жандарм.

– Так мы и кормим, ваше благородие, мы и присматриваем, пока Манька не вернется. – Паучиха еще сильнее поджала губы, так, что стало казаться, будто ее лицо пересекает уродливый шрам.

– Присматриваешь? – Жандарм подступил к Паучихе, сжав кулаки. – Знаю я вас таких! Продать, небось, ребенка перекупщикам или цыганам хотела, потому и спрятала под одеялом.

Младенец перестал плакать, вновь засунул в рот грязный палец и принялся пускать слюни.

– Дочь Льяной, говоришь? – Полицейский следователь был в курсе всего. – А отец ее кто, Михайло Токарчук?

– Он самый, – кивнула Паучиха, – Манька только с ним последние три года и живет. Его дочка. Как родилась, он с нею возился.

– Ладно, ребенка мы в приют заберем, – распорядился следователь, махнув рукой и дав команду жандармам начать обыск.

Они перерыли все вверх дном, но ничего не нашли. Все нехитрые пожитки Маньки были свалены на пол в кучу. По ним с испугом бегали потревоженные тараканы. Чтобы занять ребенка, Паучиха достала из шкафа большую фарфоровую куклу, единственный красивый и дорогой предмет в окружающей обстановке, и малышка тут же схватила ее.

– Ты только посмотри на это! – обратился полицейский следователь к своему судейскому коллеге, пожимая плечами, – убила купца – и ребенку на деньги убитого куклу купила! Чего только не насмотришься в жизни.

Внезапно он нахмурился, внимательно глядя на куклу в руках ребенка.

– Паучиха, а ну-ка подь сюда!

Та опасливо приблизилась, и полицейский вырвал из детских рук куклу. Ребенок отчаянно заплакал.

Оторвав кукле голову, полицейский разбил фарфоровое тельце на столе, сбросив часть грязной посуды на пол. Кукла разлетелась на мелкие осколки, и на стол, цепляясь за пыльную материю все еще нарядного платья, выпала длинная шпилька, на которой уже засохли багровые следы.

– Господа, вот оно, орудие убийства, – торжествуя произнес следователь, – шпилька, которой она Ваньку Дюжего заколола!

Все сгрудились вокруг него, поздравляя и одобрительно похлопывая по плечу. Никто не обращал никакого внимания на ребенка. Громко плача, девочка тянула грязные ручонки к осколкам разбитой куклы.

Заседание окружного суда было закрытым, слишком уж много было желающих пробраться внутрь и посмотреть, как будут судить Маньку Льяную. Именно из-за громкого общественного резонанса данного дела было решено проводить заседание в закрытом режиме, а для публики печатать репортерский бюллетень, для чего в зал суда было допущено несколько корреспондентов самых популярных и читаемых газет в городе.

С удивлением бывалые репортеры обнаружили, что на судебной скамье Манька Льяная растеряла все остатки былой красоты. Теперь это была смертельно испуганная, больная женщина, выглядевшая гораздо старше своих лет. Пребывание в тюрьме превратило ее в старуху.

Маньку обвиняли в двух убийствах: купца Петра Евдохина – с целью ограбления и лодочника Ивана Дюжева по кличке Ванька Дюжий – с целью убрать сообщника, чтобы не делить награбленное. Главным доказательством послужила окровавленная шпилька, найденная в квартире подсудимой, которой она заколола Дюжего. Манька не отрицала и не признавала свою вину. Она только тихонько плакала и беззвучно шевелила губами, производя впечатление помешанной.

Заседание было недолгим. Марию Лежнич по кличке Манька Льяная приговорили к повешению, и через две недели приговор привели в исполнение.

Казни производились в Тюремном замке на Люстдорфской дороге, где для этого был предназначен глубокий подвал. В ночь казни (а казнили всегда в ночное время) Льяную вывели из камеры, связав руки за спиной, и завели в подвал, где над некоторым деревянным возвышением в полу на обычной перекладине висела толстая пеньковая веревка. На голову ей надели холщовый мешок. Присутствующий священник наскоро пробормотал молитву. Под руки (идти она не могла, от ужаса потеряв сознание) два жандарма подняли Маньку на эшафот, где ей на шею накинули веревку. Ноги ее подкосились, она безвольно повисла в петле. По знаку начальства палач повернул рычаг, в полу под ногами Льяной открылся глубокий люк, и тело рухнуло вниз, несколько раз дернувшись в агонии.

Минут через десять уже безжизненное тело подняли наверх, и судебный медик, присутствующий при казни, подтвердил наступление смерти. Так казнили в Тюремном замке, где почти не было сбоев в работе палача.

Для такого вида казни, как повешение, специально измерялся рост и вес приговоренного к смерти и рассчитывалась толщина пеньковой веревки, чтобы смерть наступила как можно скорей, в течение 2 – 3 минут. Женщины умирали почти сразу.

Так закончила свою жизнь Манька Льяная, о которой еще немного помнили в городе, а затем – позабыли совсем.

Глава 2

Променад по бульвару. Роза Шип. Жуткое убийство на Ланжероновской. Странная находка следователя
ОДЕССА, 1895 год

В теплые вечера любого времени года часть Николаевского бульвара над морским портом заполнялась толпами гуляющих. Нарядно одетые прохожие фланировали, разглядывая других и показывая себя. Часто здесь тут и там вырастали разноцветные яркие зонтики открытых кафе. Но они не заслоняли вид на порт, которым так славился знаменитый бульвар.

Это было подобие светского раута для людей попроще тех, что танцевали во дворцах на балах. Разбогатевшие ремесленники и мастера, купцы средней руки, моряки с иностранных судов, военные нескольких гарнизонов, расположенных вблизи города, жандармы на отдыхе, воры, аферисты, мошенники всех мастей, праздные гимназисты, зажиточные крестьяне, заезжие промышленники – пестрая, многоголосая, шумная толпа заполняла бульвар, и было это похоже на самый странный в мире праздник, где смешались все краски, и все было перевернуто с головы на ноги.

К вечеру, когда зажигались ночные фонари, многочисленные развлекательные заведения, расположенные близко от бульвара, распахивали свои двери в ожидании гостей. В них можно было найти цены на любой кошелек и услуги на любой вкус. И большую часть ночи праздная толпа перемещалась из одного заведения в другое, завязывая легкие знакомства или даже серьезные деловые связи в пьянящей атмосфере праздника, похожего на непрекращающийся фейерверк.

Среди гуляющих по бульвару можно было встретить представителей самых разных сословий. Для приличных девушек, точно так же, как и для уличных девиц и для профессиональных кокоток, прогулки вечером по бульвару часто были важной составляющей жизни, ведь именно так можно было познакомиться с интересными молодыми людьми и придать хоть какой-то

колорит своей серой, беспросветной жизни. И часто какая-нибудь молоденькая модистка, гризетка, горничная светской дамы или даже учительница женской приходской школы голодала неделями, чтобы скопить денег на приличный наряд. А затем, под руку с подругой, фланировать в самом шикарном на свете платье по аллеям бульвара под модным кружевным зонтиком.

Так же, как и Дерибасовская, Николаевский бульвар был пульсирующим сердцем ночной Одессы. Но если Дерибасовскую заполняли уличные девицы, поджидающие клиентов (и все знали об этом), то на бульваре собиралась приличная публика. И даже всем известные по именам кокетки, дамы полусвета, разгуливая по бульвару, очень старались сохранять приличный вид.

Среди многочисленных заведений, ожидающих гостей поблизости бульвара, одним из самых интересных и известных был ресторан «Красная Роза» на Ланжероновской, в самой нижней ее части, которая спускалась к морю, но все-таки не доходила до дворца князя Гагарина, торжественно возвышавшегося на самой вершине.

Заведение было очень известно в городе. На первом этаже трехэтажного дома располагался уютный ресторан с хорошей кухней и умеренными ценами. На втором было заведение для мужчин (публичный дом), в который могли подняться посетители ресторана. На третьем этаже находились личные апартаменты хозяйки двух заведений, в которые допускались только избранные.

Точно так же, как это заведение выделялось среди прочих мест отдыха, среди дам выделялась высокая темноволосая, несколько цыганского типа элегантная дама, одетая исключительно в красный шелк или бархат. Либо на воротнике, либо в волосах у нее всегда была неизменная красная роза, свежая даже в морозные дни. Даму знали все в городе. Именно она была хозяйкой ресторанчика и публичного дома, названного ее именем – Роза. А поскольку она отличалась крутым, жестким характером, была остра на язык и скоро на расправу, ее прозвали Роза Шип.

Шипы были ее сущностью. И многие клиенты, подкатывающие к ней, уходили ни с чем, жестоко уколовшись о ее колючий нрав. Никто и никогда не слышал о том, чтобы у Розы Шип был любовник. А между тем она была еще молода и очень хороша собой.

Было непонятно, как она появилась в Одессе – или родилась здесь, или же приехала когда-то. Никто не знал ее прошлого. Никто не знал даже о том, настоящее ли это имя – Роза, и как удалось ей разбогатеть настолько, чтобы открыть столь серьезное заведение в самом центре города. Поговаривали, что родом она была из молдавского села и, отданная родителями на службу в Одессу, быстро сбежала из-под барского присмотра и стала делать карьеру в качестве уличной девушки с Дерибасовской. Став любовницей одного криминального главаря, Роза быстро возвысилась над своей средой. Бандита убили в перестрелке с жандармами, но он успел ей завещать деньги, на которые она и начала свой бизнес. Еще поговаривали, что за воровство она сидела в тюрьме.

Другие же утверждали, что в тюрьме Роза Шип сидела не за воровство, а за то, что зарезала человека. Словом, страшная, загадочная слава этой женщины будоражила умы тех, кому довелось ее повстречать.

Но один факт ее биографии все-таки был действительно точным, так как тому существовало достаточно много свидетелей. Роза Шип на самом деле была проституткой, работала не только на Дерибасовской, но и в притонах Средней и Кривого переулка, в заведениях рангом повыше, чем копеечные забегаловки для солдатни.

В любом случае, Роза Шип в кроваво-красном платье в любое время года была достопримечательностью Одессы. На нее специально шли посмотреть, люди говорили о ней.

К удивлению, эта женщина, которой ничего не стоило подрезать человека, заслужила в городе очень добрую славу. А многие смелые языки поговаривали о том, что вот ее-то как раз

и надо было бы выдвинуть в Городскую думу, и толку от нее было бы больше, чем от всех остальных.

История, благодаря которой Роза Шип прославилась, произошла десять лет назад. В Одессе ударила жестокая зима с лютыми морозами, и словно вдобавок к этому разразился кризис нехватки продовольствия и лекарств. Роза Шип тогда только открыла свое заведение, где обустроила все, как говорится, по-богатому – благодаря поддержке очередного любовника, крупного промышленника, который засыпал ее бриллиантами. Как и все женщины, она обожала бриллианты и с вульгарностью девушки из простонародья щеголяла в них везде и всегда.

Кризис голода и холода страшней всего ударил по Еврейской больнице и по сиротскому дому призрения на Пересыпи, которые вдруг, по какому-то упущению городской власти, полностью остались без финансирования.

В больнице и в приюте не было дров, еды, лекарств. А между тем Еврейская больница была единственным прибежищем для бедного населения Одессы. В приюте же содержались обездоленные дети из самых низов.

Никто так никогда и не узнал, зачем, для какой цели Роза Шип поехала в приют на Пересыпи. Одни говорили, что разыскивала своего потерянного в юности ребенка, другие – о том, что хотела кого-то усыновить. Ни то, ни другое не было правдой. Но все-таки по какой-то причине Роза Шип оказалась в сиротском приюте. И прямо в коридоре наткнулась на спрятанные под рогожей тела детей, умерших от болезней, голода, зверского обращения и истощения.

На глазах Розы двое кладбищенских рабочих заворачивали в рогожу детские трупы и выносили в похоронные дроги, стоящие во дворе. Потом их увозили в место, находящееся рядом со Вторым Христианским кладбищем, и зарывали в общей яме.

Обстановка в приюте воистину была ужасающей. В жилых комнатах посиневшие от холода дети жались друг к другу, пытаясь согреться, не было ни еды, ни дров – нечем кормить, нечем топить.

В тот же самый вечер Роза Шип продала все свои бриллианты самому богатому скупщику Одессы Ройзману, а деньги отдала сиротскому приюту. Заболевших детей на деньги Розы отвезли в Еврейскую больницу. Когда же она увидела, что и в Еврейской больнице обстановка такая же, как и в приюте, она продала весь остаток своих драгоценностей и отдала деньги на больницу.

Благодаря этим деньгам и дети из приюта на Пересыпи, и больные в Еврейской больнице пережили суровую зиму.

Весть о том, что совершенно бескорыстно сделала Роза Шип, быстро разнеслась по Одессе. Люди были шокированы: бывшая проститутка, бандерша сделала то, что не решились сделать представители богатых семей и городские чины! В городе даже возник страшный скандал, в результате которого многие чиновники городской управы лишились своих теплых насиженных мест. А городской голова был вынужден пересмотреть вопросы финансирования больниц и сиротских приютов.

Так Роза Шип стала самой популярной фигурой в городе. И незнакомые люди, встречая ее на улице, часто низко кланялись ей в пояс.

Честно говоря, Роза не сильно пострадала в финансовом плане: очередной богатый любовник возместил ей все проданные драгоценности с лихвой. Но добрая слава этого бескорыстного поступка осталась жить в памяти Одессы.

Теплым осенним вечером Роза Шип под руку с очередным кавалером прогуливалась по Николаевскому бульвару. Кавалером ее был богатый банкир из Петербурга, и Роза с увлечением делилась с ним своими планами расширения заведения, собираясь достроить к зданию двухэтажную пристройку. Пара мило беседовала, в их разговоре и взглядах царил полная гармония. И, опираясь о руку купца, Роза повела его к себе. Но идиллия длилась не долго.

Когда пара уже поднялась на третий этаж, Роза вдруг что-то увидела и резко остановилась, а затем схватилась за сердце, побелела как мел и, обернувшись к банкиру, заявила, что у нее внезапно разболелась голова и их свидание продолжится завтрашним вечером. Банкир удивился, но поцеловал ей руку, пожелал скорейшего выздоровления и пообещал прийти утром к завтраку. После чего покинул заведение, наняв у входа извозчика.

Именно так он говорил в своих показаниях судебному следователю, и у того не было оснований банкиру не верить. Тем более, что это подтверждали несколько человек: личная горничная мадам Розы, клиент заведения, спускавшийся со второго этажа, девица Пашка Рыжая, курившая на лестнице, вышибала Семен у входа, он же дворецкий, метрдотель и привратник, а также извозчик, показавший, что в указанное время отвез банкира с Ланжероновской в отель «Бристоль».

Все эти люди сказали, что банкир ушел от Розы Шип около 9 часов вечера, и заявили в полицию, что ничего подозрительного или необычного в тот вечер не видели, так как никто из них не поднимался на третий этаж.

По словам горничной, мадам велела ей уйти к себе в подвальное помещение дома, где та жила вместе с другими слугами, сказав, что у нее разболелась голова, она хочет остаться одна и лечь спать. Горничная сразу же ушла, а Роза Шип, войдя в свои апартаменты, заперла дверь на ключ. Больше в ту ночь никто ее не видел.

Полицейский следователь по особо важным делам как мог пытал банкира, пытаясь понять, что такого разглядела Роза у дверей на третьем этаже и почему вдруг она так резко решила прервать важное свидание. А оно действительно было важным, так как близкие подруги Розы подтвердили следователю, что деньги на пристройку она собиралась взять именно у этого банкира. Роза хотела раскрутить его на очень большую сумму. Почему же не сделала этого?

Банкир клялся, что ничего не увидел. Роза поднималась по лестнице первой, он – следом за ней. Поскольку женщина она была высокая, с плотной фигурой, широкая в кости, а щуплый банкир был ниже ее на голову, то, конечно, из-за широкой спины своей дамы он ничего не смог разглядеть. Банкир утверждал только, что состояние ее нервозности было искреннее, и что нельзя так искусственно, по желанию побледнеть, как побледнела Роза прямо на его глазах. Тем более, что особой наблюдательностью банкир не отличался, по сторонам не глазел, не отрывая глаз от фигуры своей спутницы. Следователь бился долго, но так ничего и не выпытал. События же в доме на Ланжероновской развивались следующим образом.

В девять утра для мадам принесла важную телеграмму из Южного банка. Горничная знала, что Роза терпеть не могла рано вставать, но телеграмма требовала немедленного ответа, поэтому она решила подняться наверх.

Дверь мадам была заперта изнутри. Горничная стала громко стучать – никто на ее крик не отозвался. А дальше произошло то, что заставило ее дико завопить и сломя голову броситься вниз по лестнице за вышибалой Семеном: из-за двери апартаментов Розы Шип стал вытекать пенящийся кровавый ручеек.

Вопли горничной переположили девиц со второго этажа, и они сбились на лестничной площадке, наблюдая за тем, как дюжий Семен быстро идет на третий этаж, неся огромный топор. Этим топором Семен выбил замок и выломал дверь, открывшую узкий коридор. Справа была спальня Розы, слева – личная гостиная и будуар, а прямо по коридору находилась роскошная, отделанная мрамором ванная. В коридоре все было испачкано кровью, а кровавый ручеек тек из спальни мадам.

Двери всех комнат были открыты, и в воздухе стоял тяжелый солоноватый запах крови. Горничная сразу же хлопнулась в обморок. Кто-то послал за полицией.

Прибывшие полицейские обнаружили следующую картину. Все в спальне Розы было перевернуто вверх дном, а на полу разлиты кровавые лужи. Крови было столько, что она вытекла за дверь. Но хозяйки в спальне не было.

Кровавый след вел в ванную, где все так же было перепачкано кровью – еще больше, чем в спальне. Ванна была испачкана так, словно в ней разделявали тушу. Но, опять-таки, тела не было.

А в гостиной не было никакой крови. Но на столе по центру комнаты стояла плетеная корзина, в которой был обнаружен мертвый младенец женского пола не старше трех месяцев, абсолютно голый. Шея его была повернута набок.

От страшного зрелища едва не поседелі выдавшие виды полицейские. Что за младенец, чей он, откуда взялся – никто в доме не знал. В доме не было и быть не могло никаких младенцев, ни у кого из девиц заведения, персонала ресторана, прислуги и самой Розы не было детей, и в доме с ними дети не жили. Все в один голос твердили, что младенца в трехэтажном особняке не было никогда. Было также непонятно, куда делась сама Роза, и что это за кровь.

Решили обыскать весь дом сверху донизу и целый квартал. К ужасу присутствующих, через два дома, во дворе одного из заведений на Ланжероновской, где была местная мусорная свалка, обнаружили части тела Розы – половину бедра, часть туловища, руку, ступню. Их опознали близкая подруга Розы и горничная – по браслету, который был крепко пристегнут на руке, и убийца его не снял.

Оставшиеся части тела были обнаружены еще в двух местах: возле Карантинной гавани в порту, возле одной из ночлежек, где обитали портовые рабочие, и на Екатерининской улице, прямо на углу с Дерибасовской. Завернув в холщовую ткань, их просто бросили на землю, даже не попытавшись спрятать. Голову Розы обнаружили в мусорном баке на кухне в самом доме – убийца бросил ее в мусорное ведро. Было понятно, что ее убили в спальне, зарубив топором, после чего в ванне расчленили тело и под покровом ночи вынесли все части трупa, разбросав их в разных местах. Кто же с такой легкостью мог ночью бродить по дому? Судя по всему, убийца расхаживал с частями тела целую ночь. А между тем все это время – до половины шестого утра – в доме было полно людей. Ночь была самым горячим временем и в ресторане, и – тем более – в публичном доме. Похоже, убийца с мешком из холщовой ткани затесался среди тех, кто входил и выходил этой ночью. На третьем же этаже никто его не видел, так как, побаиваясь сурового нрава хозяйки, слуги не решались подниматься туда. Очевидно, именно убийца и принес мертвого младенца в корзине. Это был какой-то чудовищный символ, разгадать который было совершенно невозможно: слишком уж жестоким, страшным, нетипичным было убийство Розы Шип.

Полиция сбилась с ног, выискивая свидетелей, допрашивая всех обитателей дома и прислугу, среди которой было много приходящей, нанятой поденно. Вышибала Семен для допросов был так же бесполезен, как и банкир. Его обязанностью было впускать в дом всех, не особенно вглядываясь в лица (ну какому солидному женатому клиенту публичного дома понравится, если на него будут пялиться в упор!). Клиенты, нанятая прислуга, модистка, поправлявшая туалеты девицам, привезли даже срочный заказ от шляпницы... Еще был помощник аптекаря, который поставлял девицам кокаин. Одним словом, с девяти вечера до половины шестого утра дом посетило бесчисленное количество людей, и многие из них были с мешками, чемоданами, большими сумками, коробками. Убийцей мог быть кто угодно!

Сведений о мертвом ребенке полиции обнаружить не удалось. В городе было такое количество пропавших и мертвых младенцев, что отследить их было невозможно физически. Его могли выбросить на улице, могли выкрасть у подпольной акушерки, стащить труп из какого-то приюта или больницы... Вариантов была тьма! Тем более, что в полицию по поводу такой пропажи никто не обращался. Заявлений не было. И разобраться в этом было все равно, что

найти иголку в стогу сена. Особенно учитывая высокую детскую смертность среди детей босяков, бродяг (которых никто никуда не записывал) и бездомных уличных детей.

Следователь, правда, обнаружил кое-что странное, но к чему приписать эту непонятную находку, совершенно не знал. На третьем этаже возле первой двери в апартаменты Розы на полу были обнаружены осколки раскрашенного фарфора, словно от какой-то разбитой статуэтки или вазы. Но так как их было слишком мало, и все осколки были мелкие, определить, что именно разбилось и как этот предмет выглядел раньше, было нельзя.

Впрочем, у следователя не было никакой уверенности в том, что осколки фарфора связаны с убийством. Они могли лежать там и несколько дней, по недосмотру горничной – разбила, к примеру, чашку и плохо подмела.

Убийство Розы Шип раскрыто не было, оставшись одной из страшных тайн южного города. Убийцу так и не нашли.

Глава 3

*Митинг в цирке. Гранаты медвежатника Новицкого. Конец начальника тюрьмы.
Тюремная камера «палача младенцев»
ОДЕССА, 1 декабря 1918 года*

Старое деревянное здание цирка содрогалось от порывов шквального ветра, бушующего над Одессой. Зима была суровой. Снегопады, сопровождаемые этим штормовым ветром, причиняли немало бед жителям города, и без того страдавшим от болезней, голода и разрухи. Но внутри помещения цирка на Коблевской никто не обращал никакого внимания на бурю – там стоял настоящий жар. И жаркие страсти собравшихся кипели в воздухе громом бурных, спорящих голосов, сотрясающих деревянные стены цирка не хуже, чем свирепствующая снаружи буря.

Цирк был полон под завязку. Люди толпились на арене. Они размахивали руками и кричали. Эта густая пелена крика производила довольно неприятное впечатление, и в этом шуме нельзя было разобрать слов. Многие курили, и густой сизый дым стлался под потолком рваными хлопьями, обволакивая лица присутствующих сизой, расплывчатой дымкой.

Несколько человек в директорской ложе наверху внимательно наблюдали за сборищем, которое давным-давно вышло из-под контроля организаторов, то есть мирное собрание плавно перетекло в шумный митинг. Страсти разгорелись нешуточные, и достаточно было нескольких слов, чтобы разошедшаяся толпа вырвалась в город что-либо громить.

Несколько человек в директорской ложе внимательно наблюдали за происходящим.

– Видишь, Японец, – лысый гигант в кожанке, облокотившись о перила ложи, внимательно посмотрел на молодого человека, сидевшего рядом с ним. Его элегантный собеседник расположился в кресле вальяжно – нога на ногу и раскачивал носком элегантного лакированного ботинка. Костюм его был так же щегольски элегантен. На колене лежал котелок, за локтем стояла изящная трость, а в петлице пиджака вызывающе краснела гвоздика. Он являл собой

разительный контраст с суровыми, плохо одетыми – неряшливо, в кожанки, в рваную военную форму – людьми, находящимися рядом в ложе.

– Видишь, – несмотря на то что лысый гигант вроде как уважительно и даже доверительно обращался к своему соседу, в голосе его звучала все-таки некоторая насмешка, – толпа кипит. Достаточно пары слов – и всё. Да шо там тюрьму, город возьмем! А ты говорил, шухера не будет.

– Так уж и за город возьмем, – усмехнулся Японец, – шо ж ты, Котовский, жмешься здесь, как барышня на сносках, а не берешь за свою тюрьму? Охолонут твои хлопцы, вот-вот часики протикают – и точка. И никто ни за что не возьмет.

– Может, и так, – лысый бросил на него тяжелый взгляд, – за того и позвали тебя сюда. Подсобишь?

– Ты, Григорий Иванович, ушами-то не финти! – хмыкнул Японец, любуясь носком собственного ботинка. – Давно тебе тюрьма покоя не дает. Вроде как вторая попытка. А может, и тюрьму сами сдадут, как в первый раз было? Может, малость погодём?

– Тюрьму надо брать, – мрачно сказал Котовский, – без тюрьмы французы лишатся важного форпоста в городе и скорее всего город сдадут.

– Красным, – хмыкнул Японец.

– Пускай красным, – Котовский кивнул, – сила за красными, и ты, Японец, это знаешь. Недаром вызвался нам помогать.

– Я еще ничего не решил, – ухмыльнулся Мишка, – передергиваешь, как коню поводья. Ну, допустим, подсоблю я тюрьму. Шо я с этого буду иметь? За какой интерес мои люди под пули пойдут, моих ведь там самая малость?

– Ты знаешь! Было же все оговорено! – заметно занервничал Котовский. – Мы же обсудили с тобой, в кабаке твоём, по полкам разложили. Или хочешь, как собачонка, цыпкаться с этим шаркуном Гришиным-Алмазовым, пока кто другой возьмет город? Ты учти, возьмут без тебя, без нас. Давно пора решить, с кем ты, Японец. Отсидеться, как крыса в норе, уже не получится. Так шо вот тебе проверка на прочность. Именно здесь и сейчас.

– Ладно, угомонись. Рот не рви, бо гланды простудишь, – Японец махнул рукой. – Ну шо, гулять так гулять. Но за пару слов ты сказал.

– За пару слов, – подтвердил Котовский.

Японец обернулся к одному из своих людей, почтительно стоявших за креслом:

– Слышь, Новицкого позови.

1 декабря 1918 года в городском цирке проходил массовый митинг, организованный социалистическими партиями. На нем присутствовало огромное количество одесских воров, членов уличных банд – во главе с Мишкой Япончиком и другими главарями, которые все активней и активней поддерживали красных.

Коренные представители пролетариата, выходцы из самых глубин Молдаванки и других одесских трущоб, люди, ставшие налетчиками, ворами и бандитами по воле жизненных обстоятельств, знавшие жизнь с самых низов, впитывали политические лозунги красных как губка, тем более, что красные обещали им новую жизнь, полное прощение всего того, что они успели нагулять и накурлесить в своей бурной жизни. Мало разбираясь в политических играх и тем более в политической пропаганде, они были той самой благодатной массой, которая, увеличиваясь в размерах, плавно, но уверенно перетекала в ряды большевиков.

Неумная политика военного террора, организованная новым губернатором при участии французских властей, сделала то, что долго не удавалось сделать большевикам: сагитировала нейтральных уголовников, абсолютно равнодушных до того к политике, переходить в ряды красных не только в поиске защиты от неминуемой смерти, но и в знак протеста против того

произвола, который приезжие, чужие, ничего не понимающие в городе люди творили против жителей Одессы.

Несмотря на то что митинг был согласован с властями и являлся мероприятием официальным, градус ненависти и эмоций скоро зашкалил до опасного предела. Ненависть к полицейским, к французам, к людям Гришина-Алмазова, как вполне плотное, осязаемое, реальное и живое тело витала в воздухе. Это был выпущенный на волю отчаянный, ревуший зверь, готовый не только пугать, но и убивать. И этот зверь ревел, рвал кровавыми когтями содрогаящуюся от грозы землю и обладал такой большой силой, что ее грозные очертания уже достаточно просматривались и выступали из-под его шкуры.

Говорить начал большевик Иван Клименко.

«Бить полицейских! Громить участки!» – Первые же его слова вызвали такой бурный шквал, что стены цирка едва не пали от этого рева. Он озвучил как раз то, о чем думали все, ради чего и собрался весь митинг – прекратить произвол полицейских властей.

Но речь Клименко, несмотря на страстную пламенность, не имела конкретики, той логической завершенности, которая стала бы последней каплей, выпускающей на волю ревушего зверя. Именно тогда в самый центр арены, где импровизированно создали нечто вроде трибуны для выступавших, пробился некий Новицкий, в последнее время – активный участник большевистского движения, и бросил то, что взорвало толпу:

– Отобьем наших! Бей участки! Громи тюрьму!

Мало кто заметил, что Новицкий – на самом деле опытный «медвежатник» из банды Мишки Япончика – прежде чем толкать речь, о чем-то довольно серьезно переговорил со своим главарем. Выслушав подробные инструкции от Японца, Новицкий вылез на трибуну и призвал немедленно идти громить тюрьму, по дороге освобождая заключенных в полицейских участках.

Это было уже конкретное руководство к действию, которого не хватало вопящей, плохо организованной толпе. После этого у нее появился хоть какой-то конкретный план, митингующих охватила страшная жажда действий. Вопя и стреляя в воздух, толпа буквально разнесла входные двери цирка и вырвалась на улицу.

Политические шли вместе со своими лидерами, уголовников же, по распоряжению Японца, вел Новицкий. Оружия у политических не было, в отличие от уголовных, которые были хорошо вооружены, а кроме того, несли с собой несколько ящиков гранат. Эти гранаты и винтовки дал Японец – по договоренности с руководством красных. Без оружия любой митинг был бы просто сотрясанием воздуха, не имеющим никаких конкретных целей.

Японцу выгодно было создать в городе хаос и выпустить огромное количество заключенных, в том числе и политических, которых без счета нахватали власти.

Вместе со своими телохранителями Мишка сел в автомобиль, где уже находился Котовский, и поехал к тюрьме.

По дороге Григорий Иванович вышел, чтобы присоединиться к политическим, громящим полицейские участки. Японец же со своими людьми поехал к окончательной и бесповоротной точке боевых действий – одесской тюрьме на Люстдорфской дороге.

Митингующие с песнями разгромили Бульварный полицейский участок, освободив четыреста политических заключенных, которые тут же присоединились к ним. Большинство этих людей имели прямое отношение к уголовному миру. Именно о них в Центральный комитет компартии писала лидер одесских большевиков Софья Соколовская: «Одесский пролетариат – это бандиты, спекулянты, ворье, уголовники, гниль. Возможно, мы попадем в самое отчаянное положение и накануне падения Одессы останемся без средств. А в Одессе революция не может двигаться ни на шаг без денег, такой это город».

Около шестисот человек, вооруженных до зубов (оружие щедро раздавалось от имени Мишки Япончика), подошли к воротам одесской тюрьмы на Люстдорфской дороге. Началь-

ник тюрьмы с малочисленным, плохо вооруженным гарнизоном Тюремного замка ударился в панику и стал слать гонцов с просьбой о подмоге во французский гарнизон. Все гонцы были схвачены и расстреляны осадившими тюрьму – не пробился никто.

Переговоры были абсолютно невозможны. И если прежний начальник тюрьмы принял решение открыть ворота и выпустить всех заключенных, то в этот раз об этом не могло быть и речи.

Во-первых, за такое самоуправство он был бы расстрелян французами. Во-вторых, толпа жаждала крови, уголовники и политические были доведены до такой степени ненависти, что переговоры с ними были уже невозможны. А в третьих, неумный, недалёковидный и очень жестокий начальник одесской тюрьмы ничего не понимал в городе, в который попал, и творил в стенах тюрьмы такое жестокое самоуправство, что одесским уголовным миром ему давным-давно был подписан смертный приговор.

Дальше все произошло быстро. Опытный «медвежатник» Новицкий, отлично умеющий обращаться с замками, бросил несколько гранат в самую сердцевину замка ворот и взорвал их. Вооруженная толпа ворвалась во двор тюрьмы, где перестреляла немногочисленный гарнизон Тюремного замка.

Часть людей рассредоточилась по тюрьме, по всем помещениям, отделениям и подвалам, и принялась освобождать заключенных, всех без разбору – и уголовных, и политических. Другая же часть принялась искать начальника тюрьмы, которому, на его счастье, удалось спрятаться.

Но его выдал кто-то из бывших заключенных, который видел, как в попытках спрятаться тот бежал через тюремный двор. Он и привел бандитов к сараю в тюремном дворе, где заперся обезумевший от страха начальник.

Толпа окружила сарай. Дверь забили снаружи, все стены обложили соломой и облили керосином, а после этого подожгли.

Двор тюрьмы огласили страшные вопли – начальника тюрьмы просто сожгли заживо. Очень скоро сарай превратился в гигантский пылающий костер, а по двору разлился тошнотворно-сладковатый запах горелого человеческого мяса.

Бывшие заключенные между тем развлекались вовсю. Все они были одеты в тюремную одежду – в арестантские робы. Даже после такого удачного освобождения и разгрома тюрьмы показаться в городе в таком виде было невозможно. Потому часть заключенных остановила следующий по Люстдорфской дороге трамвай. Они высадили всех пассажиров и отобрали у них одежду, взамен оставив страшные арестантские робы. И долго еще было видно и слышно, как по улицам Одессы разбегались перепуганные люди в полосатой арестантской одежде на голое тело – совсем не по сезону.

Японец вместе с двумя адъютантами и хорошо вооруженной охраной из десяти человек спускался по лестнице в подвал Тюремного замка. Он когда-то сидел в одном из этих корпусов и, воспользовавшись случаем, решил зайти посмотреть. Но в тюрьме уже успело измениться многое, а потому та часть подвала представляла собой сплошные одиночки для отбывающих пожизненное заключение.

– Вот, Майорчик, третья дверь справа, сколько вспомнить всего, – весело разглагольствовал Японец, очень довольный тем, что в очередной раз показал себя королем (ведь без его людей и его оружия красным ни за что не удалось бы даже приблизиться к воротам Тюремного замка). – Весело пролетело за жизнь, – продолжал он, вдыхая знакомый запах, – а теперь смотри. Пожизненные, швицеры злосчастные за каменном мешке. Их тоже отсюда кинули?

– Кинули, – подтвердил Майорчик, – за уши ноги подобрали, только в зубах засвистит. Такой шухер наделают в городе, мама дорогая!

До заветной двери бывшей камеры Японца оставалась еще одна дверь, как вдруг она распахнулась со страшным грохотом, и оттуда с искаженными лицами вылетели бандиты. Они тряслись, ничего не видели перед собой и налетели на Японца и его людей.

– Да за тихо! Шо за шухер? – удивился Японец.

– Ва... ва...вы... – был один из бандитов, производя впечатление умалишенного, а другой, заикаясь, мычал: – Там... там...

Третий же, белый как смерть, без устали осенял себя крестным знамением. Японец переглянулся с Майорчиком, после чего, запустив вперед вооруженную охрану с наганами, зашел внутрь – посмотреть.

Камера была самой обычной. Куча гниющей соломы на полу вместо кровати, дырявое ведро вместо параша, узкое оконце – решетка под потолком, чадающая керосиновая лампа, стены, источенные влагой и покрытые грибок, и запах, отличающийся от всех остальных страшный тюремный запах, который, ощутив один раз, больше невозможно забыть.

Напротив гнилой соломы стояла большая деревянная корзина, накрытая крышкой. Японец и Майорчик медленно подошли к ней. Майорчик отодвинул крышку и, увидев содержимое, с каким-то страшным горловым звуком отпрянул назад. Японец, белый как мел, звуков не издавал, но тут же прижал ко рту тонкий носовой платок.

Большая высокая корзина сверху донизу была забита трупами младенцев. Мертвые, посиневшие, абсолютно голые, со свернутыми набок головами, они были свалены в корзину с ужающей плотностью. Из корзины шел жуткий запах.

Страшное зрелище произвело впечатление абсолютно на всех – никому из проникнувших в камеру мужчин не доводилось видеть ничего подобного.

– Что же это... вейз мир... – прошептал Майорчик. Японец же, быстро сумевший прийти в себя, сказал:

– Корзина палача. Он работал...

Все быстро вышли из камеры. Страшная находка напрочь отбила у Японца охоту предаваться воспоминаниям, и в сопровождении своих людей он быстро поднялся наверх. В тюремном дворе толпилось много людей. К Японцу подошел Котовский.

– Там, в камере пожизненных, – сказал Мишка, – мертвые младенцы в корзине... Это что?

– Местные тюремные особенности, – с горечью ответил Котовский, – раньше такого не было. Этот гад, начальник тюрьмы, новые порядки ввел. Аборты заключенным делать рискованно – как объяснить в документах смертность от них? Поэтому женщины рожают младенцев – или от охранников, или уже так попали в тюрьму. Ну а руководство тюрьмы, чтоб младенцев в приют не сдавать и правду о том, что в тюрьме происходит, скрыть, нанимает повитуху или кого-нибудь из заключенных, который их душит после рождения. Потом их зарывают ночью, тайком, за стенкой Второго кладбища – и концы в воду. Все шито-крыто. Заключенная как родит, ребенка сразу уносят, а потом ей говорят, что умер сразу после рождения. Ребенка же, живого, отдают на расправу и отправляют на тот свет.

– В камерах для пожизненных? – удивился Японец.

– Ну, значит, наняли убийцу какого-то из тех, кто отбывает пожизненное. Не каждая ведь повитуха на такое пойдет. А пожизненное, в основном, серийные убийцы получают. Наверное, начальник тюрьмы нашел такого, за определенные льготы в содержании.

– И вот такое... Шо младенцев душит... сейчас вышло в город? – нахмурился Японец. – Вышло прямиком в город? В мой город?

– Так все вышли, – пожал плечами Котовский, – решено было всех заключенных освободить. И серийных убийц тоже.

– Надо хоть знать, кто в той камере сидел, – не мог успокоиться Японец.

– А как узнать? Ребята вон тюрьму громят! Все бумаги во дворе жгут. Как теперь узнаешь?

Впрочем, Японец все-таки заставил Майорчика найти кого-то из заключенных. Мелкий воришка, подряженный тюремной охраной для обслуживания тех, кто сидел в подвалах, тряся от страха перед самим Мишкой Япончиком.

– Вторая дверь справа... Кто сидел? – строго допытывался Японец.

– Так убивцы там были... ги... – Воришка был придурочным, он мог только испытывать страх, и не понимал, чего от него хотят, – убивцы по жизни сидели... Не видел я их... Миски только подавал в отверстие... Лиц не видел...

– А охранники говорили, кто?

– Убивцы сидели... страшные... се... си...

– Серийные. Дальше! – Японец злился от нетерпения.

– Ну да... эти... серийные... в подвале... а кто и за шо, охранники не говорили ни за шо, ни за так, как их зовут...

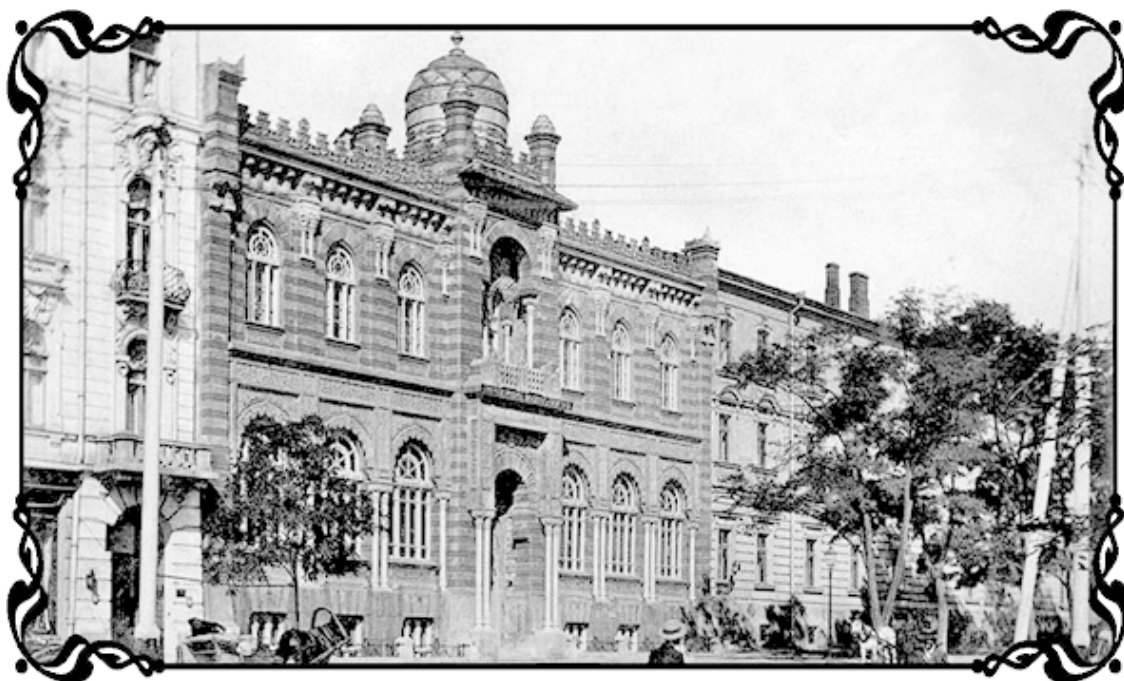
– А что особое в ту дверь ты носил? Такое, щоб не как за всем?

– Вино туда давал. Бутылки. Булки еще белые. А один раз шоколад.

– Видишь, что я тебе говорил, – сказал Котовский, присутствующий при разговоре, – начальник тюрьмы нанял заключенного серийного убийцу на такую гадость. Тот за льготы и подчищал грязные дела. Только ты брось. Мало что бывает в жизни. Где ты его теперь найдешь – растворился, как рыба в воде.

Глава 4

Конец дома Тани на Елисаветинской улице. Увольнение из Оперного театра. Кризис весны 1919 года

Бой начался внизу на Конной, на самом ее углу и Софиевской, и постепенно переместился вверх. Выстрелы, взрывы гранат, крики раненых и умирающих, отчаянные вопли нападавших, вся эта какофония ужаса, хаоса, уличной войны захватила спокойные районы города, разрывая тихие улицы звуками взрывов и выстрелов. И тем не менее в хаосе этих огненных вихрей люди все же ходили по улицам, где текла самая настоящая кровь.

Последние бои между остатками деникинской армии, отрядами, еще не покинувшими Одессу (несмотря на то что все уже знали: французы уходят), уличными бандами под руководством Мишки Япончика, большевиками, подбирающимися вплотную к центру, группами всевозможных политических и анархистских налетчиков и прочих вооруженных людей превратили некогда цветущий город в сплошную зону боевых действий, залили отчаянным пламенем жестокой уличной войны. Обострились схватки полиции и бандитов. Хорошо вооруженные отряды уличных банд теперь с оружием в руках оказывали сопротивление полиции и солдатам.

Несмотря на то что при помощи жестокого террора не удалось справиться с бандитами, власти не сделали никаких выводов из своего провалившегося плана и продолжали посылать вооруженные отряды солдат и полиции, которые вступали в перестрелку с бандитами и несли жестокие потери.

Так, на углу Софиевской и Конной в нелепейшую засаду угодил отряд одного из людей Японца – Изи Штыря. Напорвшись на солдат, бандиты открыли огонь и вступили в жестокую уличную схватку.

Сам Штырь жил в доме на Елисаветинской улице, квартиры в котором Японец снимал для своих людей. Кроме Изи, на втором этаже трехэтажного дома дверь в дверь с ним жила Алмазная, о которой в воровском мире уже начинали ходить легенды. Бандиты Японца засе-

лили также и первый, и третий этаж. А потому рано или поздно дом на Елисаветинской должен был попасть под прицел полицейских отрядов.

Изя Штырь при помощи огня пытался пробиться вверх по Конной, даже не подозревая, что вторая часть полицейского отряда как раз и ждет его на Елисаветинской, устроив засаду в самом доме. А потому, когда Изя с легкостью пробился вверх, сам не понимая, как произошло, что путь немного очистился, он принял решение подняться в квартиру, забрать деньги и ценности и как можно скорей покинуть этот дом и ставший опасным район города.

Но вместо припрятанных богатств за дверью квартиры Изю ждала пуля в грудь. Получилось так, что неопытный шпик открыл огонь, услышав поворот ключа в замке. Поскольку первым шел Изя, пуля и попала ему в грудь. Ранение оказалось смертельным – и это несмотря на то, что каждый полицейский получил приказ брать бандитов живыми и не стрелять на поражение! Штырь погиб сразу, и можно сказать глупо. Другие же его люди, поднявшиеся наверх, также почти сразу угодили в ловушку. В коридорах дома прозвучала стрельба.

На помощь людям Изю бросились бандиты из других квартир. Прямо на лестничной клетке завязался нешуточный бой – жестокий, несмотря на свои мелкие габариты.

Перевеса не было до тех пор, пока кто-то из людей Изю не догадался бросать гранаты в квартиру на втором этаже. Ряд взрывов прозвучал как бы единым залпом. Деревянные перекрытия старого дома были сделаны из камыша. Начался пожар. Прошло всего несколько минут, и дом на Елисаветинской, оплот людей Мишки Япончика, вспыхнул, как сухая щепка.

Пламя вызвало панику среди полицейских, засевших в засаде. Они пытались выбираться, выпрыгивали из окон, но попадали прямоком в руки к бандитам, окружившим дом. И те их добивали без всякой жалости – выстрелами, ножами, камнями и палками.

Огненный костер взметнулся к небу, словно пытаясь ухватиться за облака своими жуткими щупальцами. Гибли и бандиты, и полицейские – стон внезапной, мучительной смерти повис в воздухе. Страх так же, как черный дым, забивал горло любого, кто смотрел на страшную картину пожара, смерти и разрушения.

В малый репетиционный зал Оперного театра набилось достаточно много людей. Здесь был хор, все статисты, обслуживающий персонал – армия многочисленная, но непрофессиональному глазу зрителей совершенно не видная. Наблюдая прекрасный спектакль на сцене, публика редко задумывается о том, какое именно количество людей трудится, чтобы создать эту красоту. Важным является и другое: каждый крошечный, будто бы незначительный винтик является неотъемлемой частью этой машины. Стоит одному винтику выйти из строя – и никакого результата не будет, публика уже не увидит всей этой сияющей красоты.

Так вот: в малом репетиционном зале театра собрались как раз те не видимые зрителям «винтики», без которых невозможна целая картина прекрасного спектакля.

Директор театра страшно потел. Руки его тряслись, время от времени он доставал из кармана огромный платок, больше похожий на маленькую скатерть, и вытирал им лоб и затылки на висках, на которых выступали жирные, какие-то почти малиновые капли пота. Было видно, что для него мучительно находиться здесь, мучительно говорить, и все вокруг давным-давно стало вот таким жестоким мучением.

Вместе с неизменной Фирой Таня сидела в третьем ряду и так же, как и все в зале, знала, о чем будет говорить директор. В общем, об этом знали все в городе.

Французы уходят. Город будут эвакуировать. Одессу сдают красным. Театр закрывают до особого распоряжения новых властей. Все статисты и низший персонал разгоняются без сохранения жалованья.

Перед этим в Одессе точно так же позакрывались все кабаре. И о том, что закрывается кабаре «Ко всем чертям!», Таня узнала от Тучи.

– Японец забирает свою часть контроля и вынимает капитал, и мы уходим в тень, – сказал тот, – кабаре будет закрыто. Держать его дольше смысла нет.

– А владелец? – Несмотря на шок от этого сообщения, Таня все-таки не могла удержаться от такого вопроса.

– Так владелец пролетел, как фанера над Парижем, – хмыкнул Туча. – Сам виноват, дурак. Нашел когда деньги в кабаре вкладывать! Сейчас такое время, шо ни охнуть, ни сдохнуть. Знай держи зубы за пазухой да финти ушами.

Несмотря на то что Туча был бандитом, характер у него был добрый. И, увидев расстроенное лицо Тани, он попытался ее утешить:

– Да не страдай ты! Сегодня одно закрылось, послезавтра – новое откроется. Нет такой власти, шо людям гульки да водку запрещать будет. А этот фраер ушами выгребет. В Париж наверняка уедет. Говорят, он князь.

– Князь, – машинально повторила Таня, опуская глаза в пол. Но Туча не понял, что значило для нее это слово.

– Ну да, князь. Наверняка он уже в Париже. В последние дни перед закрытием его никто и не видел. Так шо точно сделал финт ушами – и в Париж, – снова повторил он.

– Значит, уехал. – Эта мысль полоснула Таню болью по горлу, и она с тех пор больше не ходила на Екатерининскую и не пыталась увидеть Володю Сосновского. Что-то горькое запеклось в душе, и Таня вдруг неожиданно для себя самой поняла: он окончательно для нее потеряян, они никогда больше не встретятся, потому что целая пропасть, не только море, разделяет ее и далекий Париж...

И вот теперь, сидя в Оперном театре, прекрасно понимая, что отныне и навсегда разрушен весь ее мир, Таня чувствовала себя невероятно спокойной, словно наблюдала картинку со стороны. И неожиданно для нее самой это странное спокойствие стало защитным щитом, способным укрыть за своими надежными краями все ее житейские потери и жизненные бури.

Толпа начала роптать, и директор, скомкав платок и сунув его в карман, откашлялся и поднялся с места.

– Вот увидишь, нас всех выкишнут, – шепнула на ушко Тане Фира, – выгонят прямиком за улицу.

– Без сомнений, выгонят, – кивнула Таня, – потому он так и волнуется.

Это было правдой, и все поняли ситуацию, когда директор театра начал говорить. Цирковых увольняли без сохранения жалованья. Театр закрывался до особого распоряжения новых властей. Работа над спектаклями и новыми постановками будет свернута. Дирекция театра очень просит бывших сотрудников не оставлять свои личные вещи.

– Вот видишь! – Фира толкнула Таню острым локтем. Та в ответ пожала плечами – с удивительным безразличием.

Между тем среди артистов поднялся ропот. Раздались громкие крики:

– Это безобразие! Хоть бы половину жалованья сохранили! У меня дети! Чем я буду кормить детей! Кабаре позакрывались, где мы выступать будем!

– Тише, тише! – Директор умоляюще поднял руки вверх. – Театр больше не финансируется властями, спектакли нам давать запрещено – откуда взять вам половину жалованья? Кто вам платить будет эту половину? Мы тоже в таком же состоянии, как и вы! Поверьте, эта мера временная, все очень скоро образуется!

– Образуется, как же! – выкрикивали из рядов. – Можно подумать, красные придут к власти и сразу театр откроют! Гришин-Алмазов казну выгреб, чинуши его в Париж готовят с деньгами бежать! А мы подыхай с голоду!

– Ситуация действительно тяжелая, но... – попытался что-то сказать директор, и в этот момент в него запустили бутафорским башмаком, а следом полетели разные вещи. Люди кричали, улюлюкали, свистели, поднимаясь с мест, били мебель, бросая в директора обломки и

щепки. Вынужденный укрыться за большой декорацией в виде старинного замка, директор продолжал оттуда что-то вещать, но никто не желал его слушать.

Начался самый настоящий погром. Артисты громили мебель, остатки декораций, стены, зеркала, окна... Это действительно был приступ отчаяния, вдруг сплотивший толпу, – приступ отчаяния и обреченности, который порой бывает страшней и убедительней любых доводов рассудка.

На этом громком фоне Таня вместе с Фирой тихонько выскользнули из репетиционного зала. Им в спину прозвучал жуткий грохот и пронзительный жалкий визг: чем-то тяжелым били рояль, пытаясь выдернуть клавиши.

– Господи, как жаль, – в глазах Фиры стояли самые настоящие слезы, – неужели мы никогда больше не вернемся сюда?

– Не знаю, – честно ответила Таня. На самом деле прощание с Оперным театром не было для нее такой мучительной потерей. Она давно поняла, что совершенно не годится в артистки. И еще поняла, что тратить время на чужие дела больше не будет. Ведь театр был чужим делом, не ее.

– Что ты теперь будешь делать? – Фира наконец успокоилась. Девушки спускались по тяжелой винтовой лестнице.

– Не знаю, – снова пожала плечами Таня, – домой пойду. Надо отдохнуть.

– Да... тебе... конечно... – протянула Фира, – ты никогда выступать не любила. А я артистка! Я не могу без театра!

– Иди домой, артистка, – улыбнулась Таня.

Они вышли на улицу, где было по-весеннему прохладно, и небольшой мороз даже щипал нежную кожу.

– Как они могут закрыть театр? Это ужасно! – всё не могла успокоиться Фира.

– Поверь, могут. Сейчас смерть вокруг – какой театр? – Таня была более реалистична.

– Но без культуры, без искусства...

– Фира, разуй глаза! – Таня не смогла сдержать негодования. – Уличные бои в городе! Буржуи готовятся драпать на всех четырех конечностях! Со дня на день французы оставят город и в Одессу войдут красные! И на этом фоне тебе театр с культурой?

– Ты так говоришь, как будто... Как будто... – вспыхнула Фира. – Культура самоценна. Она всегда цель.

– Фира, – Таня взяла себя в руки, – сейчас не надо ходить по улицам. Домой иди. И я тоже пойду. Потом встретимся.

Всхлипывая, Фира обняла подругу. Внезапно у Тани вдруг возникло какое-то странное предчувствие, что больше никогда в жизни она ее не увидит. Стремясь поскорее прогнать мрачные мысли, Таня распрощалась с Фирой.

В начале Елисаветинской, где находился ее дом, Таня вдруг увидела огромное количество людей. Они были повсюду: казалось, как тараканы, они повыползали из всех щелей. На земле лежало что-то, прикрытое рогожами. Их было много. И Таня вдруг поняла: так накрывают трупы.

Она ускорила шаг. Сердце ее вдруг заболело мучительно, стало выскакивать из груди... В середине квартала она увидела обгоревшие руины. Вместо дома, где она жила, стоял догорающий, жутко дымящий, почерневший остов. Сдерживая крик, она схватилась руками за горло. Земля поплыла из-под ее ног. Но чья-то сильная рука не дала ей упасть. Обернувшись, она увидела Федьку Тертого, «медвежатника» одной из банд Японца.

– Алмазная, ты тоже жила в этом доме? Ну, тебе повезло! – оскалился он.

– Повезло?! – Это слово быстро привело Таню в чувство. – Мне повезло?!

– А то! Шпики в доме засели, фараоны. Они Изю Штыря давно пасли, он за них в засаду залетелся. По дурости и открыл пальбу. В дом гранаты стали кидать. А он камышовый, вспыхнул, как спичка. А Изя Штырь совсем... того.

– Что – того? – Таня зло посмотрела на Федьку.

– Ну что – того? Убит значит. Замочили его фараоны. Это потом уже дом подожгли. Я к концу пожара прибежал. Там наших полегло много. Сгорели заживо.

– А вещи... Что-то из вещей удалось спасти?

– Какие вещи, ты шо, шуткуешь? Я ж тебе говорю – такая пальба была, шо ховайся кто может! А ты за вещи говоришь. Ну кто их будет под пулями на горбу таскать?

Все внутри Тани помертвело. За какой-то короткий промежуток времени она лишилась всего. Там, в доме, сгорели все ее вещи, все отложенные деньги на черный день. Все надежды на будущее, все воспоминания. Всё, абсолютно всё. Она закашлялась от подступившей к глазам гари, снова поплыла куда-то вниз...

– Эй, – Федька держал ее за плечи, – эй, Алмазная! У тебя там чего, тряпки сгорели? Ты жила там?

– Жила.

– Да не парься ты! И барахло, и деньги опять заработаешь. Сейчас такая гульба у наших пойдет – кто хочешь сможет заработать. Так что не страдай! Подумаешь, подожгли хибару! Так за шо, она одна на земле?

Тане было страшно. Горький ком, подступивший к горлу, никак не желал уходить.

– Ладно, Федька, – голос ее дрожал, – пойду я. Темно. Уже поздно.

– Да куда ты пойдешь? Хочешь, провожу? Опасно – вон скока швали по углам валаңда-ется. За жабры возьмут – хоть зашибись.

– Нет, провожать не надо. Не первый день гуляю в городе. Свою не возьмут.

– Наши-то да. А как фараоны? А прицепки эти партийные, шо за наши ряды цепятся?

– В любом случае, доберусь, – сказала Таня.

– Ты к Японцу пойдй! Поможет Японец.

Последние слова Федьки буквально ударили ее в спину, рикошетом отскочив от всего, что оставалось в прошлой ее жизни и что там пугающе догорало. Куда не надо было поворачиваться.

Больно было дышать, больно было жить. Таня спотыкалась, подносила ладони ко лбу, останавливалась, словно задыхаясь в приступе мучительной астмы. Затем решительность возвращалась, и она снова шла.

Мысли путались, ноги отказывались держать, но шаг за шагом вырисовывалось что-то знакомое, хоть и смутное. Что-то, принимающее реальные очертания, способное хоть ненадолго успокоить, удержать.

Мысль – куда пойти, возникла из подсознания. И, обдумав все тщательно, Таня сказала самой себе, что это не такой уж и плохой выход. От четкости уже принятого решения стало даже легче дышать.

Дом догорал за ее спиной. Распрямив плечи, Таня медленно, но уверенно шла по улицам Одессы. Была холодная весна 1919 года. Весна, ставшая бедой не только для Тани, но и для всех жителей города.

Эта весна 1919 года принесла в Одессу страшный экономический и продовольственный кризис – город был переполнен людьми, и никогда еще обстановка здесь не была настолько тяжелой.

Одесса была преисполнена самых невероятных контрастов. С одной стороны – элитные высшие классы российского общества, бежавшие на юг в течение всего 1918 года от большевиков, захвативших Петербург и Москву. К ним присоединились жители Киева, спасавшиеся от петлюровцев. А с другой стороны – в город хлынуло огромное количество бывших представи-

телей так называемого среднего класса: безработных чиновников, младших офицерских чинов, лишившихся своей армии, бывших офицеров без должностей, званий, заработка, каких-либо навыков и профессиональных умений, спекулянтов и аферистов всех видов, сортов и мастей, стремящихся сделать в этом пестром людском море быстрые и легкие деньги.

А с третьей стороны, был криминал – огромное количество членов уличных банд под общим руководством Японца. Криминал этот постоянно обновлялся вливанием «свежей крови» в виде дезертиров из многочисленных армий, безработных, крестьян, разорившихся фермеров, жуликов, матросов и портовых босяков, ставших безработными рабочими, которые являли собой очень большую прослойку населения.

Если раньше рабочие на заводах имели хоть небольшую, но постоянную зарплату и при этом стабильность и – ну хоть ожидаемую – уверенность в будущем дне, то с приходом политического хаоса заводы и фабрики были закрыты, и огромное количество рабочих оказалось на улице вообще без куска хлеба. Если раньше, опять-таки, учитывая имущественную стабильность, рабочие отрицательно относились к криминальным кругам, то теперь их симпатии резко переместились в сторону красных и одесского криминала, поскольку большинство одесских бандитов были на стороне красных.

По данным пятнадцати профсоюзов Одессы, на 1 января 1919 года безработица составляла около 70 процентов! Безработные пополняли лагерь революционеров и мечтали о воцарении в городе красных – ведь именно они представляли собой самую благодатную почву для большевистской агитации и пропаганды. И опытные пропагандисты, умеющие работать с людьми, большевики, не могли этим не воспользоваться.

В Одессе тогда действовали самые серьезные революционные организации, которые постоянно пополнялись опытными кадрами из центра. Среди них были следующие общественные группы и большевистские, партийные объединения: Национальный центр, Совет земств и городов юга России, СГОР, Союз Возрождения, Революционная сила, Совет большевистского объединения и другие. Даже Городская дума, действующая в городе, была социалистической по своему составу: из ее 120 гласных представителей около 70 человек были членами различных социалистических и большевистских партий.

Так же обстояло дело и в одесском профсоюзе – Центпрофе, который полностью находился под контролем эсеров. Социалисты в городской власти делали всё, чтобы ослабить Добровольческую армию, находящуюся в городе, ослабить ее позиции, ликвидировать поддержку среди местного населения и дискредитировать действия добровольческих генералов (в частности, Гришина-Алмазова). Надо сказать, что с идеей дискредитации Гришин-Алмазов, заслуживший люютую ненависть в городе, отлично справлялся и сам.

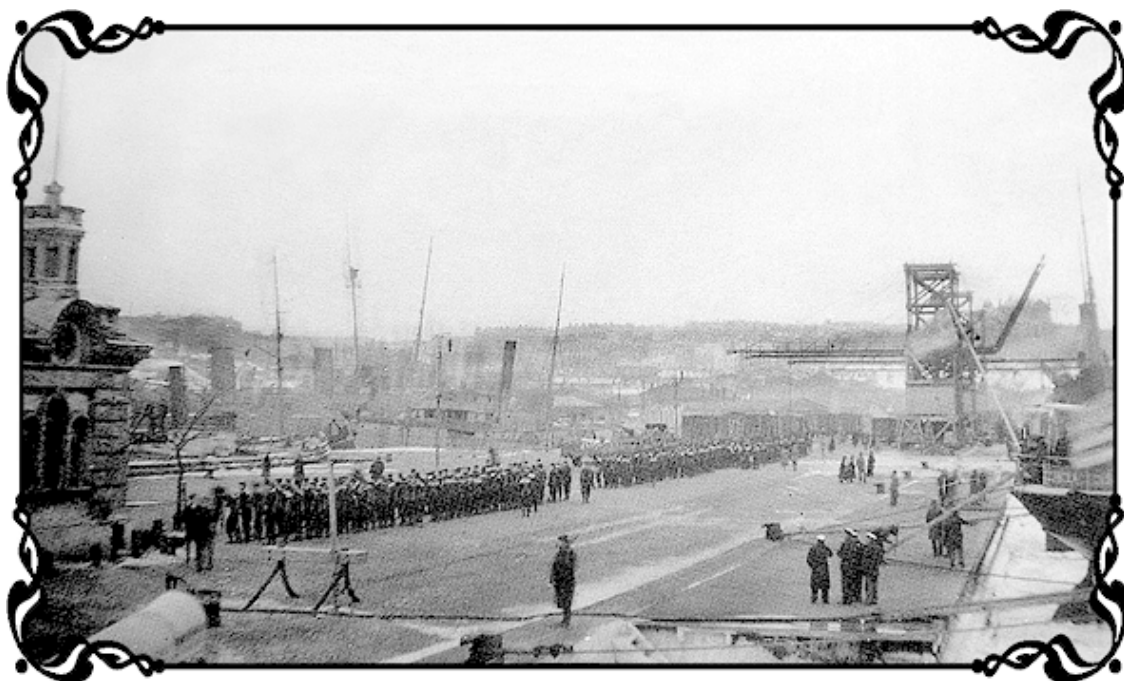
Французы разобраться в тонкостях русских политических смещений никак не могли. У них огромный шок вызывал тот факт, что большинство русских членов городского правительства не поддерживают свою русскую Добровольческую армию и мечтают поскорее убрать ее из города. Кроме того, идеи большевиков, которые так жадно впитывали представители самых низов общества, для французов были абсолютно чужды. Они не понимали, почему странные, неестественные и даже преступные идеи способны вызывать такую горячую поддержку в местном обществе.

И уж никак они не понимали (и не могли понять) тот факт, что вор считался вроде как и не вор, а уважаемый член общества, что большевики набирали свои кадры из воров, а воры были за красных горой, и что самый главный вор, которому подчинялись все остальные, почему-то считался уважаемым человеком в городе и даже именовал себя королем. И почему полиция, с одной стороны, расстреливала мелких сошек, всяких босяков и бродяг, а с другой – категорически отказывалась вести серьезную охоту за этим самым королем, люди которого все более открыто примыкали к красным.

Рассчитывая на Добровольческую армию и делая ставку на то, что эту армию поддержат в Одессе, французы потерпели сокрушительное поражение.

Глава 5

Поражение французов. 2 апреля – эвакуация Одессы. Решение Володи Сосновского. Рассвет в порту – живая история. Отряды атамана Григорьева

Новое французское командование решило изменить систему гражданского управления на юге, и в частности в Одессе, и совершенно отмежеваться от лиц, назначенных в Одессу руководителем Добровольческой армии.

Французами специально была создана искусственная должность: «Главкомандующий Одесским регионом», на нее был назначен генерал-лейтенант А. Шварц, проживающий в Одессе. Он принял приглашение французов и занял должность, но не поставил об этом в известность генерала Деникина. Приказ о назначении Шварца лично подписал генерал Д'Эспере. Он же отдал следующий очень серьезный приказ: генералы Гришин-Алмазов и Санников, которые были назначены в Одессу генералом Деникиным, должны были немедленно, в течение 24 часов, покинуть Одесский регион. Это было серьезное изгнание, которое практически уничтожило прочные позиции деникинцев на юге. Опальные генералы выехали первым же попутным пароходом в Новороссийск.

При Главкомандующем был организован орган гражданского управления регионом – Совет обороны и продовольствия с несколькими комитетами, которые имели совещательные права и были составлены исключительно из левых кадетов. В Совет обороны вошли: Андро, Рутенберг, Ильяшенко, одесский городской голова Брайкевич и еще несколько членов городской управы. Доминирующую роль в Совете играл ярый большевик и революционер Рутенберг, который открыто требовал сдать город красным.

Все же остальные члены Совета обороны не имели столь ярко выраженной политической окраски. Это были ловкие, энергичные личности с налетом авантюризма, умеющие приспособиться к существующим обстоятельствам.

13 марта 1919 года, после упорных и кровопролитных боев, союзники сдали войскам атамана Григорьева Херсон и Николаев. Одесса была объявлена на осадном положении. В руки генерала Д'Ансельма перешла вся полнота власти в городе и всем регионе.

18 марта 1919 года, после торжественного молебна, совершенного митрополитом Платоном в центральном соборе города на Соборной площади, Одесская стрелковая бригада, сформированная из подразделений Добровольческой армии, выступила на фронт. Она должна была оборонять участок черноморского побережья в районе Очакова до железнодорожной линии Одесса – Николаев. Дальше к северу позиции занимали французские, польские и греческие войска.

Но очень скоро эта линия обороны была прорвана. Французское военное командование, готовя этап операции, не имело ни четкой идеологической программы помощи, ни плана дальнейших действий, ни элементарной военной стратегии. А потому провал военной операции французов под Очаковым стал настоящим позором для всех войск союзников.

Неудача политики союзников и, как следствие, эвакуация войск Антанты из Одессы произошли по многим причинам, но одной из основных называют непоследовательность, половинчатость французской политики по отношению к Белому движению. А также полная неспособность разобраться в качествах, целях и стратегиях русских политических и общественных групп, которые вечной войной между собой способствовали укреплению позиций большевиков в городе.

Вместо того, чтобы объединить белые группы и заставить их договориться между собой, французы поддерживали группы откровенной красной направленности, заставляя белые группы противостоять друг другу. Эта неспособность разобрать «красный оттенок» многих политических групп стоила французам не только полного провала политики в Одесском регионе, но и настоящего позора в военных операциях, которые были бесславно проиграны.

Введя войска в Одессу, французы так и не смогли разобраться в тонкостях местной политической обстановки, определиться с правильным выбором местных лидеров, создать общественную основу из организаций, на которые могли опереться, провести эффективную информационную и агитационную кампанию, которая в доступной, простой, понятной форме объяснила бы местному населению цель присутствия в регионе иностранных войск.

Вместо этого произошло насаждение политики, абсолютно чуждой местному колориту и противоречащей менталитету южного региона. А вместо поддержки войска союзников стали вызывать у местного населения откровенную ненависть и злость.

Французов стали воспринимать не как освободителей, а как оккупантов. В результате с ними начали бороться жесткими партизанскими методами, против которых методы властей и полиции были бессильны.

Различные политические группы, находящиеся на разных платформах, но одинаково ненавидящие французских оккупантов, смогли объединить красные. Если до появления войск Антанты в городе поддержка большевиков не была высокой, население не выступало за них так откровенно, то присутствие французов и союзников сделало регион большевистским. Если первое красное восстание в городе потерпело поражение потому, что у красных не было достаточно людей, чтобы захватить город, то с приходом французов количество симпатизирующих большевикам выросло настолько, что, случись второе красное восстание, живым из него не выбрался бы ни один француз. И французы поняли это очень быстро.

Соперничество, местная вражда политических групп, неспособность объединиться для борьбы с общим врагом – красными создали у французов впечатление полной обреченности абсолютно всех их усилий. Стало ясно, что французам не удастся выстроить крепкую местную власть. А значит, само их присутствие в регионе оказывалось полностью бессмысленным.

В своих воспоминаниях генерал Д'Эспере писал о том, что причиной неудачи кампании стали начальники, сделавшие ставку в регионе на устаревшие, реакционные элементы, связанные со старыми порядками, которые никто больше не желал поддерживать.

Утром 2 апреля 1919 года французский штаб официально объявил, что Одесса срочно эвакуируется в течение 48 часов.

В ночь на 2 апреля в кабинете городского головы Брайкевича раздался телефонный звонок. Звонил Рутенберг из Совета обороны. Он сообщил о решении французов начать эвакуацию, о том, что официально об этом будет объявлено утром. И еще о том, что эвакуация союзников Антанты фактически означает сдачу города большевикам.

На следующие сутки ночью французское командование провело встречу с представителями Одесского Совета рабочих депутатов, на которой были обговорены все условия перехода города от союзников к большевикам.

Утром 3 апреля 1919 года было срочно созвано совместное заседание старейшин Городской думы, делегатов Советов профсоюзов и членов городской управы, на котором Рутенберг от имени Совета обороны Одессы объявил об эвакуации союзников из Одессы.

Как уже упоминалось, эвакуация должна была произойти за 48 часов. В результате этого Одесса, город с населением в 600 тысяч человек, в котором находилось 25 тысяч бойцов воинского контингента Антанты и их союзников, сдавалась войскам стоявшего на подступах к городу атамана Григорьева, чья общая численность достигала 6 тысяч человек. Престижу Франции в регионе, равно как и идее прямого вооруженного вмешательства Антанты в военные конфликты на территории бывшей Российской империи, был нанесен существенный и непоправимый урон.

А победителям – большевикам, которым путем политических интриг и ценой малой крови досталась Одесса, – выпал очень крупный трофей.

Эвакуация же превратила город в состояние хаоса. Одесса напоминала растревоженный муравейник, над которым реяло страшное пламя войны.

Двое долговязых оборвышей лет по 14, надрываясь, тащили огромный, оббитый медными полосками сундук по лестнице «Международной» гостиницы. Сундук был таким тяжелым, что мальчишки аж покраснели от натуги, а один из них совсем по-детски даже высунул язык. По пустынным коридорам гостиницы гулял ветер. Двери, не запертые на ключ, хлопали с каким-то особым надрывом, воскрешая в памяти страшные готические легенды о средневековых замках с призраками. Под хлопанье дверей, напоминающее разрывы выстрелов, по длинным коридорам летал всякий мусор, оставленный в спешке людьми: веревки, сухие цветы, какие-то ленты, вырванные книжные страницы, обрывки газет...

Войдя в гостиницу, Володя Сосновский сразу увидел, что она пуста. Это страшное ощущение безжизненности, брошенности нельзя было спутать ни с чем, оно давило сильнее, чем чувство самой острой тревоги.

Остановившись в большом пустом вестибюле, он стал осматриваться по сторонам. Электрические лампы на стенах мигали, а когда не мигали, светили совсем тускло. В городе были перебои с напряжением, и вот-вот центральная часть города должна была остаться без электрического света. Где-то в отдалении, в нескольких кварталах от гостиницы, были слышны беспрерывные выстрелы. Но глухая канонада воспринималась теперь привычно. И Володя Сосновский, давным-давно привыкший к звукам выстрелов, больше не вздрагивал от их холодной, металлической бездушности – предвестника смерти.

Под ноги ему попался яркий иллюстрированный литературный журнал. Раскрытый ровно посередине, он трепетал на сквозняке затоптанными страницами – жалкими свидетельствами прошлого, ушедшего навсегда в вечность, где никто не станет больше его читать. Нагнувшись, Володя поднял журнал и сразу же попал на небольшой рассказ Ивана Бунина –

драгоценное, тонкое кружево слов, настоящих слов прекрасной литературной изысканности, столь неуместной здесь, в хаосе и разрухе.

В этот момент у лестницы и появились двое шкетов, тащивших сундук. От неожиданности Володя выронил журнал, и он упал вниз, в вечность, чтобы как-то сверхъестественным образом просто раствориться в воздухе.

– Вы чего, пацаны? – Голос Володи предательски дрогнул – он никогда не умел командовать. – Чей сундук?

– Отвали, фраер долбаный, – грубо, по-взрослому, отозвался старший шкет. Он сплюнул сквозь зубы и добавил несколько крепких ругательств, страшно звучащих из его еще детских губ.

Несмотря на свою приобретенную профессию, ругаться Володя Сосновский так до конца и не научился – настолько, чтобы это озвучивать. До сих пор все внутри него обрывалось, с болью переворачивалось при звуках вульгарной, грубой, простонародной речи.

А потому, вынув из-за пояса револьвер, Володя просто молча быстро, показушно шелкнул курком.

Глаза шкетов округлились.

– Так бы, фраер, и сказал, гы... – издав губами неприличный звук, старший мальчишка что-то шепнул своему товарищу, и, бросив сундук, оба кинулись врассыпную, сверкнув босыми пятками в сгустившейся темноте. Скоро их и след простыл.

Неудачно упав на ребро, набок, сундук охнул медными полосками и неожиданно раскрылся с громким треском. В крышке был сломан замок. Из тяжелого нутра тут же посыпались толстые пачки газет... Это было петербургское «Новое русское слово», которое с 1918 года с успехом издавалось в Одессе. Газет было так много, что они всё продолжали сыпаться, погребая под собой две пестрые шелковые шали, которые невесть как оказались в сундуке.

Когда, довершая картину нелепости и разрухи, этот поток иссяк, Володя, запрокинув голову, вдруг расхохотался громко, в голос, словно это стало последней каплей действия, выдержать которое он был не в силах. А может, так и было на самом деле, и эти свидетельства светлого литературного прошлого эпохи, навсегда канувшей в Лету, вызвали у него такую горячую, острую смесь чувств, которые вполне логично закончились истерикой – столь же нелепой, как и старые газеты, как и мальчишки, тащившие сундук в надежде, что он набит ценными вещами, – в гостинице, которую уже успели ограбить до них...

От смеха на глазах Сосновского выступили слезы. И так, продолжая смеяться, с револьвером в руке, он пошел по лестнице вверх, чувствуя себя в невероятном, фантастическом мире. Словно он заблудился и блуждает в поисках выхода, которого в действительности никогда не было и быть не может.

На третьем этаже теплилась жизнь. Были слышны людские голоса, стучали молотки, хлопали двери. В начале коридора Володя нос к носу столкнулся со своим бывшим редактором, который тащил пачку книг, завернутых в старый плед.

– Наконец-то! – обрадовался редактор. – Я уж думал, вы не получили моей записки.

– Получил.

– Отлично! – Редактор решительно затащил Володю в одну из комнат, где принялся записывать плед с книгами в сундук, и без того уже забитый вещами. В глубине комнаты двое незнакомых мужиков стучали молотками, заколачивая какие-то деревянные ящики.

– Еле справляемся с багажом, – суется редактор, – пропуска на «Кавказ» действительно на два дня, но на самом деле «Кавказ» уходит сегодня в 9 вечера. Должен был послезавтра, а уходит сегодня. Послезавтра в городе уже будут большевики. Вы не поверите, с каким трудом удалось раздобыть пропуска в канцелярии бывшего губернатора! Весь город словно с ума сошел!

– Николаша! – Толстая дама, вся в бриллиантах и теплой, не по сезону, меховой накидке (похоже, жена редактора), заглянула в комнату и с тоской обвела глазами сундуки: – Фарфор, сервский фарфор... ты в бумазею зашил?

– Дура! Какой фарфор? – прошипел сквозь зубы редактор. – Тут столовое серебро не помещается, а ты со своим фарфором лезешь! Перебьется в трюме твой фарфор!

Обиженно поджав губы, дама выплыла из комнаты. Захлопали двери, зазвучали голоса. В этом хаосе отчетливо солировал визгливый женский голос.

– В восемь вечера... Нанял трех извозчиков, чтобы все сундуки перевезти, – пытаясь, редактор утрамбовывал что-то в очередном деревянном ящике, – вы не поверите, князь, чего стоило поставить печати у французов, чтобы нас пропустили на корабль по пропускам.

Володю покорило неожиданно возникшее и уже неприятное для его слуха «князь». Он понял, что этим словом редактор словно пытается удержаться за осколки разбитого мира, искусственно их склеить, чтобы увезти их с собой. Сколько стараний, чтобы сохранить прошлое! Но ему и в голову не приходило, что обломки эти окончательно рассыпятся по дороге, и не собрать их уже нигде. И в том, чужом мире уже ничем не спасет древнее, ненужное, забытое напрочь слово «князь».

Володе было неприятно, что с ним, похоже, общались только из-за его титула, а вся журналистика и литература в этой редакции, оказывается, были игрой. И вот теперь – бегство. Маски сброшены. В Париже не нужны русские писатели и журналисты. Но, выходит, кое в чем может пригодиться и русский князь.

Володя сунул револьвер обратно в карман. Бывший редактор этого даже не заметил. Багаж продолжали упаковывать. По грязному полу, как и во всей брошенной гостинице, от сквозняка летали обрывки газет.

– Почему гостиница пуста? – не выдержал Володя. – Почему здесь никого нет?..

– Так большая часть постояльцев и тех, кто до корабля решили пересидеть, уплыли на «Константинополе». Он сегодня в 3 часа дня набитый битком отправился на Констанцу. На него пропуск получить было легче. Ну естественно – как от той Трансильвании добираться до Парижа! С ног собьешься! А из Стамбула ходит прямой поезд с грузовыми вагонами. Будет полегче с багажом.

– Все уехали... – повторил задумчиво Володя, и фраза показалась ему странной.

– А что вы хотите? – Бывший редактор пожал плечами. – Молдаванка вооружена вся и только и ждет знака, чтобы грабануть центр города. Им кажется, что здесь самые буржуи.

– Зачем им грабить? – машинально ответил Володя. – У Японца сейчас свои заботы. Слышали стрельбу? Остатки деникинских отрядов пытаются выбраться из города, он их бьет.

– А вы по-прежнему хорошо знаете криминальный мир! – прищурился редактор, и Володя почему-то покраснел.

– Да, они грабят. Но сейчас время такое. А по пустой гостинице уже мародеры прошлись. Я двоих встретил – тащили сундук. Думали, ценности. А оказалось – старые газеты.

– «Новое слово», – кивнул редактор, – здесь Ходасевич жил. Они почти все из «Слова» съехали на «Константинополе».

– Говорят, это последние корабли, – сказал Володя.

– Последние. В город войдут большевики – и всё, море отрежут. Оно будет закрыто, как во время войны. Уже и не выберешься. Если и ехать, то только сейчас.

Закончив с ящиком, редактор перешел к чемодану, который по-простонародному, совсем по-мужицки, принялся перевязывать веревкой.

– Не бойтесь, что по дороге в порт ограбят? – усмехнулся Володя. – С таким-то количеством сундуков?

– Не боюсь. Кстати, а где ваш багаж? – спохватился редактор. – Вы что, его внизу оставили? Так там ему точно сделают ноги! Немедленно несите сюда.

– Багажа нет, – сказал Володя.

– Как нет? – поразился редактор. – Что это значит? Как можно ехать без багажа?

– Я никуда не еду. Собственно, это я и пришел вам сказать. Но вас обязательно провожу.

– Как это – не едете? Вы что, с ума сошли? Вы в своем уме? Вы же князь Сосновский!

– Я уже принял решение, и оно неизменно. Я не хочу никуда ехать. Остаюсь.

– Да вас повесят на первом же столбе! – редактор всплеснул руками. – Вы потомок древнейшей аристократической фамилии! Вы наша гордость, наша память, наше славное прошлое! Ваша фамилия гремела по всей России! Сам государь император... И вы хотите сказать, что будете жить там же, где этот сброд? Вы, князь, будете жить среди кухарок и лакеев? Будете с ними на равных? Есть за одним столом?

– Я давно уже не чувствую себя князем, – счел нужным ответить Володя. – В моей жизни было многое. А здесь... Здесь сейчас происходят такие события. Жизнь повернулась невероятной стороной, творится будущее. Я хочу видеть, что будет, наблюдать – как писатель. Я ведь не только князь.

– Писать можно и в Париже! И без риска, что вас повесят!

– Кому в Париже нужны русские писатели и русские книги? Это самообольщение, иллюзия! В юности я бывал в Париже, и не раз. Французам нет никакого дела до всех остальных, кроме них самих. Это удивительно эгоистичная нация. Ко всем остальным они относятся с настоящим презрением, особенно к русским. Так что не обольщайтесь – ни наши газеты, ни русская литература в Париже никому не нужны. Более того: им нет никакого дела до того, князь я или чистильщик обуви. Так что мое место здесь. Я не могу уехать. И даже больше вам скажу: я не хочу.

– Что же вы будете делать? Служить большевикам?

– Ну почему же служить? Я писатель, довольно неплохой репортер. Я буду работать в газете. Ведь будут же газеты при большевиках.

– Я вас не понимаю! Я отказываюсь вас понимать! – Забыв про чемодан, редактор выпрямился во весь рост и стал полыхать праведным гневом. – Вы предаете все российское дворянство! В Париже до этого, может, и нет никакого дела, но большевикам есть. И, узнав о вашем прошлом, они повесят вас на первом же фонарном столбе!

– Пусть. Значит, так и будет, – Володя безразлично пожал плечами. – Мы ничего не знаем о своей смерти, она может быть где угодно. Глупо прятаться от судьбы, бегать за тридевять земель, чтобы попасться в ловушку смерти как раз там. Так что если большевики меня и повесят, я не буду сильно горевать по этому поводу. Какая разница, где и как умирать.

– Послушайте, вы невыносимы! – снова всплеснул руками редактор. – Я не позволю вам загубить свою жизнь! Я специально выписал на вас пропуск! Поезжайте просто так, без багажа! Я уверен, что у вас есть знатные родственники по всей Европе, которые с радостью окажут помощь вам и тем, кто вас спас!..

Нервничая, редактор изложил свой план, и Володя усмехнулся. Значит, он был прав: на князе Сосновском планировалось заработать денег.

– Нет, – в его голосе прозвучала твердость, – я не поеду. Спасибо за все. Мне жаль.

– Вы что, пойдете к этим бандитам? Вы останетесь жить с этим сбродом? – Похоже, редактор пошел по второму кругу.

– Я останусь жить в Одессе, – Володя был непреклонен. – Я уже полюбил ее, она стала моей второй родиной. Мне здесь нравится. Я хочу жить здесь. И поэтому отдайте мой пропуск тому, кто нуждается в нем.

– Не приходите меня провожать! – надулся редактор. – Знать вас больше не желаю! Князь, который продался большевикам! Какой позор! Я больше вам руки не подам!

– Как угодно, – Володя пожал плечами и, слегка поклонившись, быстро вышел из комнаты, в которой навсегда оставалось его прошлое, к которому больше не существовало возврата.

В порт он все-таки пошел. Но отплытие «Кавказа», огромного парохода под турецким флагом, задержалось на много часов. Он был набит битком: сундуки, люди, мешки, люди, снова люди, и опять тюки с вещами... Володе вдруг показалось, что корабль потонет под этим грузом, что этот ворох изломанных судеб и разбитых надежд погребет всю эту массу железа. Провожающих не было. Многие из тех, кто со всем багажом погрузился на судно, плакали. Здесь заканчивалась целая жизненная эпоха. И не начиналась новая жизнь.

И когда «Кавказ», пуская черный дым из мощных паровых труб, подцепленный двумя буксирами, начал свой тяжелый путь к выходу из Одесского залива, Володя почувствовал, как что-то с болью оборвалось в его сердце, и ощутил предательскую влагу на глазах. Выбор был сделан, но верным ли он был? Сосновский не знал этого. Он даже сам не понимал до конца, почему остался здесь, на этой полоске земли, которая становилась все меньше и меньше для навсегда исчезающего в море «Кавказа» – корабля безнадежности, который никогда не вернется.

Володя встретил рассвет на причале. И когда «Кавказ» превратился в воспоминание, сизые лучи апрельского рассвета осветили следующую картину.

Порт был загроможден брошенными автомобилями, пустыми ящиками от боевых снарядов, частями машин. На земле валялись куски шелковой материи, бутылки шампанского, груды консервов и другого добра. Разбитые деревянные ящики и потерянные в спешке чемоданы, сундуки и коробки с дамскими шляпами были похожи на сюрреалистичные скульптуры, созданные жестоким, безумным скульптором. Потому что нет более страшного зрелища, чем место, откуда ушла жизнь...

Порт являл собой картину разорения и хаоса.

Володя медленно шел, осторожно переступая через забытые вещи из мертвого города, который закончил свое существование этой ночью и почти сразу же возродился другим. Он очень старался запомнить эту картину, понимая, что является живым свидетелем настоящей истории, и что это очень редкий подарок судьбы.

Ранним утром 6 апреля, когда все корабли, увозящие бегущих из Одессы, покинули порт, в город вступили части атамана Григорьева. Володя был среди тех, кто видел это нерадостное шествие.

Население высыпало из домов. Вся Одесса сгрудилась на Дерибасовской, по обеим сторонам от мостовой, по которой ехали конники Григорьева, а за ними пешими шли остальные войска, ошетилившись лесом штыков. Во главе конников находился сам атаман – в сдвинутой набок заливчатски папахе, в шинели, с саблей в потертых ножнах. Воинство же его вид имело довольно помятый: солдаты все сплошь были в рванье или в вещах, содранных с чужого плеча. Многие были босы, шли, обернув голые ноги черными от грязи тряпками. А некоторые поразили воображение горожан тем, что сапоги у них были на одну ногу. И, переваливаясь, шкандыбая по одесским булыжникам, такой солдат шлепал в обоих правых или обоих левых сапогах. Рваное, потрепанное воинство представляло собой разительный контраст с ослепительно нарядными мундирами французов, еще недавно ходивших по одесским улицам. В глаза бросалось и отсутствие выправки, чем отличались элегантные, вышколенные, стройные французы, всегда выглядящие, как на параде.

– Босяки! Ну чисто босяки из Дюковского сада! – Щуплый одесский дедок, по всему видно, какой-то мастеровой, стоя рядом с Володей, высказал то, что думали жители города. –

А вон тот – ваще за коня в пальте! Ну швицеры, халамидники, шлеперы вшивые – и как такие город взяли? Ой, поймеем мы за теперь шухер, как пить дать!

Рваные зипуны, потертые папахи, обноски с чужого плеча поражали одесситов, не готовых к такому внешнему виду воинов. Лошади конницы были низкорослые и такие истощенные, что еле тащили на себе седоков. Но больше всего поразила малочисленность этих вояк: в город вступило не больше трех тысяч человек.

– И шо, всё? – прищурился дедок. – Остальные копыта откинули по дороге? И шо мы будем иметь с этих доходяг?

Одесситы застыли в напряженном молчании, провожая тяжелыми взглядами оборвышей, дефилирующих по центральным улицам города.

Глава 6

Таня на Привозе. История самого знаменитого рынка Одессы. Появление «одесского языка»

– Ну вот, наше вам здарсьте! – Циля остановилась, картинно возвела очи горé и с драматической театральностью взмахнула руками: – Любуемся – не дышим! Картина маслом!

На дощатых ступеньках магазинчика, с изяществом возвышаясь над привозной грязью, развалился толстый детина не старше тридцати лет. Лежа на спине, раскинув по сторонам руки, он давал такого храпака в сизое весеннее небо, что даже случайные, привыкшие ко всему на свете коты с Привоза вздрагивали от ужаса и на всякий случай драпали со всех лап.

От детины разило перегаром, и было ясно, что так лежит он долго, с ночи. И, судя по храпу и массивности его пропитанного вином туловища, придет в себя еще не скоро.

Циля даже задрожала от ярости, глядя на непрошеного гостя. Таня же, упершись руками в бока, вдруг звонко расхохоталась. И Циля, с удивлением взглянув на нее, неожиданно для себя вдруг присоединилась к ней. Тане было весело, легко на душе – от сизого неба над городом, от весенней прохлады, даже от грязи, чавкающей под ногами, и от знакомых с детства картин, на которые раньше она совершенно не обращала внимания, а тут вдруг оказалась в самой сердцевине нового, еще не изученного мира.

– Хорош смеяться! – Строгий голос, раздавшийся за спиной, заставил их обернуться. – Магазин открыть не сможем, торговый день не начнем, а вы зубы скалите! Скалкой бы его, охламона! Да боюсь, такому скалка – как комариный укус.

За их спинами стояла Ида – суровая, худая, с тонко поджатыми губами и в повязанном по-бабски платке. На руках сопел младенец – ее дочка Маришка, которой едва исполнилось три месяца. Румяные, толстенькие щечки малышки резко контрастировали с худыми, запавшими щеками матери. Девочка была закутана в изящные кружевные пеленки, тогда как Ида была в старом вытертом платье с некрасивыми, нелепыми заплатками на локтях. Они как бы

свидетельствовали о времени, в течение которого носили это платье – столько, что оно стерлось до дыр.

Никто не узнал бы в этой постаревшей, измученной жизнью женщине прежнюю Иду – веселую, жизнерадостную, такую, какой она была на Дерибасовской. Та Ида умела радоваться, жить, сопротивляться ударам судьбы.

У женщины, которая стояла, укачивая на руках спящего ребенка, давным-давно погас взгляд, безвольно обвисли губы, и, сломленная нищетой, болезнями, жизнью, она являла собой красноречивую картину того, как жестоко обошлась с ней судьба.

– Тебя забыли спросить, вот шо нам делать! – уперлась руками в бока и Циля. – Ты еще тут фордабычиться за ушами будешь! Шла себе – и иди, сделай себе ручкой! Нас и без тебя этот кобель достал!

– Ты снова дома не ночевала? – Таня строго посмотрела на Иду. – Давно ты здесь ходишь?

– С вечера, – Ида потупила глаза, – он нас вечером еще выгнал, пришел пьяный. Думала, образумится, а он спит до сих пор, я в окно видела. Ночью ходила здесь, крестьяне с подвод приютили. Яблоч дали. Парного молока Маришке. Вот... вас жду.

– Я зарежу его, уroda, – Циля даже затряслась от злости, – и как таких только земля носит! Зарежу – и всё!

– Замолчи, – резко осадил ее Таня, и повернулась к Иде, – значит, так. Сейчас идешь к нам, занимаешься ребенком, на улицу ни ногой. Вечером, после работы, мы с Цилей привезем твои вещи. Ты с Маришкой останешься у нас и больше туда не пойдешь.

– Нет. Не могу я... Убьет, когда узнает, – слабо запротестовала Ида.

– Не убьет. Это я тебе говорю, – твердо сказала Таня. – У меня уже давно руки чешутся уши ему намотать на задницу. Так я могу это сделать с удовольствием, если хоть волос с твоей или Маришкиной головы упадет. Ты что, не понимаешь, что дочкой рискуешь? Хочешь, чтобы он Маришку прибил?

– Она права, – вмешалась Циля, – больше ни ногой к этому уроду. Иначе я сама тебе по голове дам. Или прирежу к черту.

– Всё, уходи отсюда. Поспи. Пусть Маришка уснет спокойно, – скомандовала Таня, и Ида, шатаясь от усталости, побрела прочь, замедляя шаг из-за луж жидкой грязи, переступить через которые у нее не было сил.

– Дура!.. – Циля смачно сплюнула в грязь. – Ну какая же дура! Родная сестра – и форменная идиотка! Да от него на четвереньках бежать надо было, едва он показал свою свинячью морду! А эта дура, с мозгами полностью отшибленными, к нему возвращалась три раза! Сама бы придушила ее, идиотку!

– Да ну ее, разберемся, – Таня пожала плечами, – с кем только бабской дурости не бывает. Вроде понимаешь, что дерьмо дерьмом, а нет смелости послать. Все мы такие – надеемся на что-то. И она не лучше и не хуже остальных.

– Я бы никогда... – надулась Циля.

– А ты не умничай, пока не побываешь в ее шкуре, – резко осадил ее Таня, – все-таки дочка на руках.

– Дочку мы воспитаем, – решительно сказала Циля.

– Куда мы денемся! – усмехнулась Таня. – Давай красавца нашего оживлять. Попробуем мой способ.

Из маленькой дамской сумочки она достала небольшой стеклянный флакончик и длинное перо (такие используют в кулинарии – смазывают пирожки маслом, к примеру). Макнула перо в флакончик. Разлился острый травяной запах.

– Что это за гадость? – поморщилась Циля.

– Для алкаша самое оно! Я в гимназии очень химией увлекалась. Даже пыталась делать духи. Преподавательница у нас была француженка, такая забавная. Вот она и поделилась рецептом.

Нагнувшись над пьяницей, Таня смазала ему губы пером. Он тут же заворочался. Взяв за руку Цилю, она отошла за угол магазинчика, сказав, что теперь самое время посмотреть, что будет.

Пьянчуга открыл глаза. Поморщился. Облизал губы – и вдруг с жутким воплем вскочил на ноги, а потом понесся прочь, нелепо размахивая руками.

– Что ты с ним сделала? – поразилась Циля.

– Да ничего особенного – рецепт от той самой француженки, чтобы муж не пил. В гимназии всех нас готовили к замужеству – а что еще делать в жизни женщине? – горько усмехнулась Таня. – Ну она и давала нам рецепты разных снадобий. Это травяная смесь. Стоит помазать губы пьяному, и спиртное будет вызывать у него страшную горечь и даже боли. Говорила, что больше не будет пить. А место, где очнется, навсегда будет связано с жутко отрицательными воспоминаниями.

– Что ж это за травы такие? – всплеснула руками Циля.

– Не скажу. До этого момента рецепт мне не пригодился, – улыбнулась Таня, – был записан в моей книжечке и лежал себе. А тут решила попробовать.

– Ты просто невероятная! – воскликнула Циля.

– Да уж... невероятная... В гимназии хотели сделать из нас почтенных светских дам, – с грустью сказала Таня, – они не готовили воровок и бандиток с Молдаванки.

– Ты не бандитка и не воровка!

– Кто же еще? – Таня даже комментировать не стала, просто криво усмехнулась.

Разговаривая так, девушки открыли магазин, распахнули окна, чтобы проветрить, и Циля тут же принялась раскладывать товар по витринам, стараясь придать всему нарядный вид. Таня же отправилась в самый конец Привоза, беседовать с одним контрабандистом, у которого они покупали контрабандный шелк.

– И не стыдно тебе, Зеленый? Ты ушами-то не финти! – Она смяла материю, на которой тут же остались некрасивые полосы.

– Персия натуральная! Шелк из Персии, мамой клянусь!

– Зеленый, туфту заливать ты всем остальным будешь, кроме меня, – отрезала Таня, – не умеешь разговаривать – я научу. Шелк этот не из контрабанды даже. Его вчера за мануфактуру Показаниди взяли в налете Колька Шустрый да Лысяк. Налет провальный был – денег рублей 30 в кассе да вот эта туфта, которую хитрый грек впаривает своим затюханным клиентам, не умеющим разбираться в мануфактуре. А я, в отличие от тебя, разбираюсь. У меня бабушка на складе работала, и как персидский шелк выглядит, я с детства знаю. Так что насчет цены договариваемся либо по-хорошему, либо...

– Да ладно, с тобой и не поговоришь, – контрабандист вздохнул. – Там еще шмотки были. Возьмешь?

– А чего Лысяк сам не пришел? Ты у него в шестерках ходишь?

– Ногу ему по дури вчера прострелили, – мрачно сказал Зеленый, – вот и лежит теперь как фраер конченный.

– На налете? – удивилась Таня.

– На притоне на Средней, куда он после налета отправился. Из-за девицы с одним швицером сцепился, и тут ему пулю в ногу. Осел...

– Ладно, шмотки показывай.

Зеленый развернул увесистый тюк. Таня отобрала пять платьев, меховую накидку под котика, две белые блузы с рюшами да кружевной платок. Все остальное даже не стала смотреть.

– Перешивать долго, а толку не будет, не продам, – сказала твердо: за какой-то месяц у нее появился настоящий нюх. – Принесешь все это к нам, – добавила. – Деньги – ну как доставишь. И если еще что-то с налета будет, ты неси, посмотрю.

После той страшной ночи, когда сгорел ее дом, Таня пребывала в отчаянии. Вещи, деньги – пропало абсолютно всё. У нее осталось только то, что было на ней. Идти к Японцу не хотелось – слишком унижительно было предстать в виде нищенки. И ноги сами понесли ее на Молдаванку – к Иде и Циле.

А в жизни сестер произошли очень серьезные перемены. После того, как Таня спасла Цилю, обе твердо решили больше не возвращаться к уличной жизни и навсегда завязать с Дерibasовской. Какое-то время они пытались выступать в ресторанах, но новое поприще успеха не принесло. Голоса у них были самые обыкновенные, внешность – тоже, танцевали без изюминки, да и артистического в барышнях было слишком мало. Поэтому очень скоро их перестали приглашать выступать в рестораны и кабаре.

Неожиданно положение спасла Софа. Она давнымдавно торговала всякой мелочью на Привозе. И вот Циля решила к ней пристроиться. Очень скоро сестры стали брать вещи у девушек с Дерибасовской, которых знали раньше: те приносили товар от своих знакомых воров. Ида с Цилей перешивали одежду и потихоньку продавали на Привозе. Со временем дела у них пошли так успешно, что они даже сняли стол и стали раскладывать товар на нем.

Все и правда шло хорошо – до тех пор, пока Ида не влюбилась в дюжего белобрысого грузчика, который разгружал крестьянские подводы. Это был первый мужчина, пожелавший на ней жениться, несмотря на ее прошлое. Ида растаяла и, несмотря на то, что ее все отговаривали, быстро выскочила за него замуж.

Брак стал полной катастрофой. Грузчик пил почерному и в пьяном угаре поднимал руку на Иду, выгонял ее из дома. Когда же она родила дочку Маришку, все стало еще хуже.

Роды были тяжелыми, и Ида стала очень сильно болеть по-женски. Денег не было, так как грузчик вообще перестал их приносить. На дочку он даже не смотрел. Вместо этого к пьянству прибавил похождения по девицам с Привоза, которые просто вешались ему на шею. Жизнь Иды превратилась в ад. Она полностью сосредоточилась на дочке и стала жить исключительно ради нее.

Теперь грузчик выгонял на улицу обеих – и Иду, и ребенка. От жизни в страданиях она превратилась в старуху, но все-таки не решалась от него уйти.

Все это Таня узнала, когда пришла к своим подругам, жившим теперь в большей и как бы лучшей квартире. Вернее, здесь жили только Софа и Циля – Ида ушла к своему грузчику.

Они тут же выделили Тане самую лучшую комнату, а узнав, что ее уволили из Оперного театра, Циля предложила ей торговать с ней.

И Таня стала всерьез об этом думать. Новое дело сулило хорошие перспективы. Можно брать одежду у воров после налетов, перешивать и вновь пускать в ход. Память о бабушке плюс прикрытые. Таня подумала и согласилась, и вместе с Цилей открыла небольшой магазин.

Мир, в который она попала, не был похож ни на что, виденное и знакомое прежде. Дощатая будка с навесом над ступеньками и двумя большими окнами находилась в новой, благоуханной части Привоза, которую недавно начали достраивать. И строительство этой будки стоило столько, что Таня в огромном удивлении широко раскрыла глаза. Зная криминальный мир не понаслышке, здесь она столкнулась с грабежом иного рода. И грабеж этот, узаконенный годами развитой торговли в Одессе, привел ее в изумление.

Кинув клич по своим людям и по людям других банд, Таня в первые же дни получила такое количество мануфактурного товара, что ни она, ни Циля не знали, что с ним делать. Пришлось нанять двух швей.

Через два дня одна из них сбежала, прихватив столько вещей, сколько могло уместиться в огромную сумку. Воровку пытались искать, но ее и след простыл.

На третий день открытия магазина (Таня по глупости выставила в витрине отрез редкого, контрабандного китайского шелка) их ограбили с такой наглостью, что даже она диву далась. Пока Ида была занята с покупательницей, а Таня раскладывала товар, двое мальчишек разбили окно, выхватили отрез китайского шелка и «сделали ноги» с такой скоростью, что ни Таня, ни Цилия даже не успели на это отреагировать. Потом их снова попытались грабить, но тут Таня пожаловалась Японцу, и магазин больше никто не трогал. Однако это не мешало пьяницам и заезжому сброду уютно спать на их ступеньках – потому что на других лавчонках ступенек не было, и двери выходили прямо в грязь.

Привоз был миром мошенничества и воровства, и к своему огромному удивлению Таня обнаружила, что здесь криминала даже больше, чем при откровенном бандитском налете. Недовесить и обсчитать покупателя было нормальным делом. Торговки даже соревновались в этих умениях между собой. Гнилой, испорченный товар подкладывали в хороший и продавали по высокой цене. Брак выдавался за высший сорт. При этом в ходу были такие грязные методы, как оговоры и откровенная ложь про соседей, торгующих рядом, на той же улице. Словом, открыв для себя Привоз, Таня получила не меньше неприятных моментов, чем когда пыталась выступать в Оперном театре.

Но Цилия не разделяла скептицизма Тани, а наоборот, чувствовала здесь себя как рыба в воде. Она с легкостью вписалась в среду торговек Привоза, и очень скоро ее голос зазвучал в общем хоре тех, кто составлял костяк этого особого мира, не похожего вообще ни на что.

Яркая, колоритная, веселая, острая на язык, Цилия пользовалась огромной популярностью у особей мужского пола, работающих на рынке. Особей этих было много, так как Привоз разрастался, набирал обороты и становился одним из самых больших рынков в Одессе. Но, в отличие от Иды, Цилия умела себя ценить и не желала размениваться на грузчиков. Тем более перед ее глазами был печальный пример сестры.

Неожиданно в Циле открылась коммерческая жилка и разыграло честолюбие. В мечтах она видела себя хозяйкой крупного торгового универмага на Дерибасовской и как-то призналась Тане, что сделает всё для того, чтобы воплотить в жизнь эту мечту. Поэтому Циле было не до романов, и она безжалостно отвергала воздыхателей, ни к кому не испытывая ничего, кроме презрения. Тане очень нравилось то преображение, которое произошло с Цилей, и она пыталась поддерживать его всеми способами.

Самой же Тане вообще было не до романов, потому что слишком много свалилось на ее плечи, помимо торговли. К примеру, нужно было удерживать остатки банды. И это были действительно остатки – слишком много бандитов примкнуло к большевикам. Таня была вне политики, но могла понять тех, кто, польстившись на красную пропаганду, решил навсегда уйти из бандитской жизни. С ее точки зрения, это был не самый плохой выбор, учитывая, что налеты и любые кражи с каждым днем становились все опаснее.

Эвакуация французов из Одессы привела к тому, что самые состоятельные и богатые люди уехали из города и как-то ухитрились вывезти с собой все свое имущество. Сначала в криминальном мире был пир. Бандиты и налетчики занялись откровенным мародерством, грабя подчистую брошенные квартиры, в которых оставалось еще много поживы. Но так длилось недолго. Потом пустые квартиры закончились, и грабить стало некого. От скуки бандиты начали затевать разборки между собой.

Ситуация в криминальной среде стала напряженной, и Японец выбивался из сил, чтобы удержать в рамках свое криминальное воинство, не допустить разброда и стрельбы по своим. На этом тяжелом фоне Тане приходилось не только заново отстаивать свое место в банде, но и, как уже упоминалось, знакомиться с миром Привоза, который в самые же первые дни стал для нее достаточно неприятным местом.

Но отступать было поздно, деньги в магазин были вложены, и Тане не оставалось ничего другого, кроме как приспособиться к ситуации.

С самого начала своего основания Одесса стала городом, в котором главный упор и акцент делался именно на развитие торговли. Этому способствовал морской порт – идеальное место для перевозки товаров и любых грузов.

Первостроители просто замечательно придумали систему так называемых «сообщающихся базаров», располагающихся вдоль всего исторического центра и как бы перетекающих один в другой. Основной линией расположения этих базаров были порт, Военная балка, Александровский проспект.

Одной частью проспекта являлся так называемый Греческий базар на Александровской площади, другим же концом Александровского проспекта служила Привозная площадь, с которой, собственно, и начинался Привоз.

Между ними, вдоль оси проспекта, располагались торговые ряды размерами поменьше – Караимский, Немецкий, Еврейский, Авгинниковский. Все они плавно вливались в Старый базар, простиравшийся от Успенской улицы до Большой Арнаутской. Старый базар разросся так быстро, что его окончанием стала Привозная площадь, на которой тоже очень скоро возникли базарные торговые ряды.

Таким образом, Привоз представлял собой новую часть разросшегося Старого базара. Именно здесь появилось новшество, которого не было на всех остальных рынках: на Привозной площади была разрешена торговля непосредственно с колес, то есть с телег, подвод, фургонов, возов, фур, словом, со всего, на чем крестьяне привозили свою продукцию в город и продавали ее... Оттуда, собственно, и пошло название Привоз – привоз товара, привозить.

Более четверти века Привоз являл собой грязную, ничем не замощенную и не укрытую площадь, лишенную капитальных строений. Только во второй половине XIX века здесь появились деревянные лавчонки и столы для торговли съестными припасами. Эти места сдавались городской управой в аренду посредством аукционной системы, торгов – кто даст больше.

Наблюдать особо за каменными строениями не надо было, потому что в двух кварталах от площади находились каменные павильоны Старого базара, построенные по проекту Торичелли. Крестообразные ряды разделяли Старый базар на четыре площади: Черепенниковскую, Яловиговскую, Посоховскую и Шишмановскую.

Пятая же площадь, которой заканчивался Старый базар, Привозная, оставалась незастроенной – наличие больших каменных строений мешало скоплению гужевого транспорта, с которого производилась привозная торговля.

История собственно Привоза начинается с 1827 года, когда было принято решение строить на Привозной площади каменные павильоны для открытия рынка. Несколько каменных строений стали основой для постоянной торговли и потеснили гужевой транспорт, который очень скоро перестал быть основой Привоза. Крестьяне больше не хотели торговать с телег, а занимали места в новых, открытых павильонах из камня, торговать в которых было намного удобнее, чем в грязи под открытым небом.

В 1913 году по проекту архитектора Федора Нестурха на Привозе построили специальный Фруктовый пассаж. Он состоял из четырех двухэтажных корпусов, соединенных высокими арками с коваными воротами, на столбах которых были установлены литые чугунные вазы с фруктами.

Корпуса были расположены попарно двумя рядами, между ними оставался длинный и достаточно широкий двор. В отличие от классического пассажа, он не был покрыт остекленной кровлей. Под каждым корпусом во всю его длину были устроены подвалы, а на первых этажах – анфилада из десяти торговых помещений, которые впоследствии постоянно перестраивались

и достраивались. Фруктовый пассаж стал самым значительным и красивым сооружением Привоза, и торговые места в нем стоили дороже.

Именно тогда в Одессе свирепствовала жестокая чума. Источником заразы были рынки. Поэтому городские власти приняли решение сжечь все строения на Привозной площади. А когда рынок будет сожжен, отстроить его заново. Так и сделали. После пожара на площади стали появляться каменные сооружения.

Привоз рос как на дрожжах. Товары на нем были дешевле, чем на остальных рынках в городе, больше было и покупателей, и продавцов. Здесь торговали представители разных национальностей, видимо, поэтому именно здесь зарождался неповторимый одесский язык, когда отвечают вопросом на вопрос, неправильно используют ударения и падежи, по-своему коверкают слова, но при этом отлично понимают друг друга...

Глава 7

Страшная находка на свалке за Привозом. Что придумал Васька Черняк. Начало еврейского погрома

За рядами Фруктового пассажа и за дощатыми павильонами, построенными вплотную к бывшей Привозной площади, находилась одна точка, которую не удалось изменить за все прошедшие годы. Это место было чем-то вроде человеческой свалки, где собирались самые отпетые элементы Привоза. Люди валялись на земле среди мусора, сброшенного с подвод, да и под самими подводами, потому что совсем вплотную к этой своеобразной свалке располагалось единственное место на всем Привозе, где все еще можно было торговать с них. Места для торговли были там самыми дешевыми – из-за отвратительного соседства со свалкой, из-за вечной, ничем не перебиваемой вони и из-за тех, кто оккупировал эту грязную территорию. Это были последние очистки людской породы, вечный человеческий мусор в виде опустившихся пьяниц, бывших заключенных, ни к чему больше не способных, кроме как кланяться милостыню на рынках, инвалидов, больных чахоткой, спившихся биндюжников, постаревших уличных проституток – этого вечно пьяного отребья, пены человеческого мира, лишенного элементарной брезгливости и прочих человеческих чувств.

Все они спали на горах мусора вперемешку с гниющими овощными отходами, тут же ели, отправляли физиологические потребности, пили вонючее пойло – паленую водку, купленную в забегаловке за углом, тут же рылись в сброшенных с подвод отходах, дрались за самые жирные куски, договаривались о преступлениях (подрезать кого-нибудь за бутылку водки, а за две – спалить дом) и обворовывали всех, кто проходил поблизости, в том числе и крестьян, торгующих совсем рядом с подвод.

Ни одна власть, бывшая в городе, не смогла уничтожить, очистить Привоз – эту человеческую клоаку. Это было самое вонючее место. И если забредал случайно на эту окраину приличный человек, то потом несколько часов подряд мучился от отвращения, от непреодолимого

чувства тошноты, не в силах проглотить ни куска пищи, ни сделать глотка воды – настолько сильными были пережитые эмоции.

Эти люди, опустившиеся на самое социальное дно, напоминали животных. И даже местные уголовники, члены уличных банд, брезговали принимать их в свои ряды, потому что, утратив все крупницы сознания и человеческого достоинства, они могли подвести в самый важный момент. Такое существо в рядах уличной банды в любой ситуации можно было считать неразравшейся бомбой, и ясно, что никакому главарю это не надо было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.